

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

ВАГРИЧ БАХЧАНЫАН

НАУМ САГАЛОВСКИЙ

**ДЕМАРШ
ЭНТУЗИАСТОВ**

Эту книгу написали и оформили трое старых приятелей.

Что их объединяет? Многое. Во-первых, безыдейность. Взаимные творческие претензии. А главное — ненависть ко всяческим объединениям.

Все трое любят посмеяться. Особенно — в неподходящие минуты.

Все трое склонны к унынию. Особенно — на фоне массового веселья.

Все трое с энтузиазмом маршируют. Но каждый марширует по-своему.

ВАГРИЧ БАХЧАНЯН
СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ
НАУМ САГАЛОВСКИЙ

ДЕМАРШ ЭНТУЗИАСТОВ

«СИНТАКСИС»
ПАРИЖ

Вагрич БАХЧАНЫН
Сергей ДОВЛАТОВ
Наум САГАЛОВСКИЙ

ДЕМАРШ ЭНТУЗИАСТОВ

Copyright © 1985 by V. Bakhchanyan, S. Dovlatov,
N. Sagalovsky

All rights reserved.
Design by V. Bakhchanyan

Printed in the United States of America.
No part of this publication may be reproduced,
stored in a retrieval system, or transmitted in any
form or by any means, electronic, mechanical, photo-
copying, recording, or otherwise, without the prior
written permission of the publisher.

Published by «SYNTAXIS»

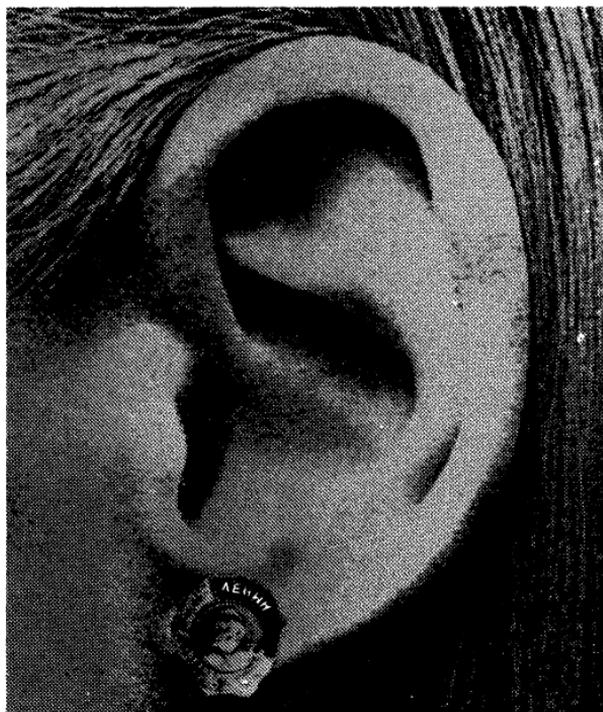
ВАГРИЧ БАХЧАНЯН

НИ ЗЕМ **ЛЕ** НИ НЕБУ

НАУМ САГАЛОВСКИЙ

УХОДИМ

Уходим, как море уходит,
когда наступает отлив.
Прощаемся с будущим,
с прошлым — не надо прощаться.
Окончена повесть,
и хватит уже обольщаться, —
никто нас не вспомнит,
сырою землей завалив.

И только труба зарыдает,
как в сердце вонзится игла,
и дети заплачут,
склонясь над могилой отверстой.

Глухая судьба
нам и тещей была, и невестой,
и песней была,
и слезою горючей была.

Неправда, что падают звезды,
когда умирает поэт,
растроганный маршал
выводит войска для парада,
и громы грохочут,
и гнутся деревья, — неправда,
не меркнет в печали
поэтом покинутый свет.

Все то же — и небо, и море,
и тихий домашний уют,
следы на песке
и усталое солнце в зените...
Но слышите —
рвется
одна из невидимых нитей,
которые шару земному
упасть не дают!..

БАЛЛАДА О ВСЕМИРНОМ ПОТОПЕ

Спасибо тебе, Господи,
за то, что каждой твари
даешь свое спасение,
и пищу, и ночлег.
Мы — праведники Божии,
мы собраны по паре,
пока потоп не кончится,
упрятаны в ковчег.

А во Вселенной — запах тленья,
и мгла, и ливень проливной,
и низвергаются камни
на многогрешный шар земной!..

Земля еще исправится —
не так она горбата,
от скверны и неверия
очистится народ,
не будет зла повального,
не встанет брат на брата
и чистый у нечистого
куска не отберет.

И верим слепо и упрямо
мы все — и зверь, и человек,
что на земле не станет Хама —
его не взяли мы в ковчег.

...Окончены скитания,
укладываем тряпки
и к выходу торопимся,
на Родину, а там —
горит иллюминация,
и в пыжиковой шапке
стоит и улыбается
отпетый нами Хам!..

И я кричу сквозь ветер века,
тая в душе своей озноб:
„Не выходите из ковчега,
еще не кончился потоп!..”

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

Дороги, которые мы выбираем?
Пороги, которые мы обиваем!..

О, вышедший в люди,
будь счастлив и нам соболезнуй!
Стоим, как над бездной,
у грани печали вселенской.
Хвала тебе,
Цербер,

сидящий за дверью железной,
перстом указующий в сторону матери энской!

Туда нам дорога...
Хвала секретаршам в приемных!
От нас, неумных,
сквозняк им бумаги колышет.
Как тяжело им, бедным,
без радости в лицах скромных
послать нас подальше
от имени тех, кто повыше!..

На первый-второй рассчитаемся.
Нас — миллионы.
Как хаме теоны,
меняем цвета и оттенки,
чтоб нас не увидел
какой-нибудь лик умиленный
в реестрах
погибших за теплое место у стенки!..

Дороги,
                  которые мы выбираем?
Тревоги,
                  с которыми мы умираем!..

Мы наших детей не одарим
ни славой, ни платьем,
дай Бог увидеть им
хотя бы одну перемену, —
мы жизнью своею охотно за это заплатим,
но кто нам назначит
такую ничтожную цену?..

(...Рюкзак надеваю,
и топаю по лесу пеший.
Приветливый леший
на входе не спросит анкету,

зеленая чаща
безмолвно, как мама,
утешит,
и рад бы сказать ей хорошее слово,
а нету...
Бегу, как на праздник,
навстречу деревьям радушным,
и к травам послушным

склоняюсь, хмелея немного,
но время торопит
в погоню за хлебом насущным,
и я возвращаюсь,
и снова
стою у порога...

Дороги, которые мы выбираем...)

ПРИДЕРЖИВАЙТЕСЬ ПРАВОЙ СТОРОНЫ

„...Стойте справа, проходите слева”.

Придерживайтесь правой стороны —
спокойнее оно и безопасней —
от самого младенчества, от яслей
до старческой почтенной седины.

Я говорю — держитесь тех, кто прав!
Не вдумывайтесь — это аксиома.
На службе государственной и дома
являйте свой благоразумный нрав,
тогда вас ждут признание и почет
под небом лучезарным и лазурным.
Для счастья надо быть благоразумным,
а просто разум — блага не дает.

Неважно знать, где зло, а где добро,
а важно знать, чье мясо кошка съела!..
По жизни проходите только слева,
как призывает тетя из метро.

Да будут сладки вам и левый хлеб,
и левый сад, и левая обитель,
ищите счастья слева и любите,
и слева доставайте ширпотреб.

Но справа, слева — всюду, как ни кинь,
вы — заяц, за которым морда волчья!
Не прите на рожон. Бунтуйте молча.
Молчите — и обрящете, аминь!..

Но если вам когда-нибудь тайком
захочется излить душевный ропот,
презреть годами выстраданный опыт
и по столу ударить кулаком —

чего уж не дано, так не дано!
Пусть ваша поза будет величава —
стучите кулаками, но сначала
берите в руки кости домино!..

А я ношу потертые штаны
и ради благ не лезу вон из кожи,
но изредка,
но нехотя,
но все же —
придерживаюсь правой стороны...

ЭТЮД № 6 В ТОНАЛЬНОСТИ РЕ-МИНОР

О, люди, время трет вас, как наждак,
земля гудит от ваших быстрых темпов!
А я надену праздничный пиджак,
пойду в собес и попрошу фудстемпов.

Я им скажу: „В Камбодже льется кровь!
Уже мы все — на острие кинжала!
Петрушки нет в продаже, а морковь
в который раз опять подорожала.

Вы слышите – грохочет барабан?
Для блага трудового человека
флотилия „Советский Казахстан”
выходит на добычу шпрот и хека!..

И мир навеки будет сохранен,
душа возжаждет творческих порывов,
и будет вместо серых макарон
еда, в которой нет презервативов.

Вставляйте все, кто честен и нелжив!
Да будет наша дружба нерушима!
Хочу фудстемпов. Я их заслужил,
как враг тоталитарного режима”.

На это мне наглаженная мисс
с лицом, что хоть сейчас на обелиски,
спокойно скажет: „Милый мой, катись!” –
по-своему, конечно, по-английски.

И я уйду. Я не обижусь, нет.
Пойду домой, смирю свой гордый норов,
нажарю замечательных котлет
и тут же съем без лишних разговоров.

Задумаюсь. Кончается январь...
день утонул у мира в сером хламе...
Взгляну в окно, и птица-секретарь
помашет мне приветливо крылами...

ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОЕ ИГО

Песни, пляски, звон гитары,
крик детей, кухонный чад...
Вдруг являются татары и тихонько в дверь стучат.
Словно в сказке позабытой, пахнет свежую травой,
гулко цокают копыта по асфальту мостовой.
Что за варварские лица! Правду пишут, что – орда.

Никуда от них не скрыться и не деться никуда.
Говорю: „Привет, татары! Вы чего в такую рань?“
А они мне:

„Слушай, старый! Ты давай плати нам дань!
Пошевеливай ногами – шелк, сатин, меха, пшено,
хоть товаром, хоть деньгами, –
нам, татарам, все равно”.

Говорю: „Вы что, ребята? Что вы крутите мозги?
У меня одна зарплата, минус зубы, плюс долги.
Круглый ноль в моем бюджете,
как сказал Экклезиаст,
а еще жена и дети. Так что – чао! Бог подаст!”

Обижаются татары: „Ты, товарищ, нас не зли.
Мы тут новой бочкотары для продуктов завезли.
В общем, делаџ, как сказали,
и не ставь людей впросак!

От Свердловска до Казани все приносят нам ясак.
Что ты – хуже прочих наций?
Хватит щелкать соловьем!

Будешь сильно упираться – мы монголов позовем!”
Я послал их к Магомету, –
то есть крепко, от души.

Если нету – значит, нету, и не требуйте, якши?
Я не Ротшильд, не завбазой, – поищите дураков!
Ускакали, узкоглазы, только пыль из-под подков,
только слышно – по-татарски – отдаленное „ура”...

Это все, конечно, сказки, упражнение пера.
То ли дань старинным книгам,
то ли просто – Божий дар...

Третий год живу под игом – жду монголов и татар.

СИРОТА

Своих родных я знаю слабо.
Запомнить – голову сломать:

Мороз — мой дед,
Яга мне — баба,
Дюма — отец,
Отчизна — мать.

ДАЧНЫЙ РОМАН

Помнишь, дуся, прошлым летом,
прямо с дачного вокзала
я пришел к тебе с приветом —
рассказать, что солнце встало.
Я принес бидон „Фетяски”,
шесть яиц, пучок укропу,
я был полон нежной ласки,
ты меня послала в жопу.

Я с приветом, ты с приветом —
и достаточно об этом.

РОМАНС

Работой занят и стихами,
всю жизнь, как проклятый, тружусь,
встаю обычно с петухами
и вместе с курами ложусь.

А мой сосед, что за стеною,
не знает горя и забот —
ложится с собственной женою
и вместе с нею же встает...

БАЛЛАДА О ДОВЕРИИ

В библейских книгах много всякого,
но я в восторге от строки,
где „Авраам родил Иакова” —
рожали тоже мужики!

Шли годы. Рушились империи.
А бабы шли косить и жать.
И только позже им доверили
мужскую функцию – рожать.

ПОРУЧИК ГОЛИЦЫН

Посвящается М. Гулько

Красиво живу я. Сажу в ресторане –
балык, помидоры, грибочки, икра.
А рядом со мною – сплошные дворяне,
корнеты, поручики и юнкера.

Погоны, ококарды, суровые лица,
труба заиграет – и с маршем на плац –
корнет Оболенский, поручик Голицын,
хорунжий Шапиро и вахмистр Кац...

Поручик Голицын изволит подняться
и так вопрошает, растерян и пьян:
„С каких это пор Блюменфельды и Кацы
присвоили звание русских дворян?..”

Я вижу – по нем уже плачет больница,
хорунжий Шапиро горит, как огонь:
„Закрой поддувало, поручик Голицын!
Корнет Оболенский, сиди, не сифонь!”

Схватились, друг друга берут на прицелы,
так тесно, что яблоку негде упасть.
А Кац говорит: „Господа офицеры!
Ой, мало вас была советская власть!..”

Не надо, не надо ругаться и злиться,
хорунжий Шапиро, не стоит трудов!
Все знают, что этот поручик Голицын
такой же Голицын, как я Иванов...”

Мы были, конечно, в дворянах когда-то,
но те времена далеко-далеко,
и все это выдумки нашего брата,
любимца толпы — есаула Гулько.

А просто — красиво живут за границей,
и сколько захочется — смейся, паяц! —
таксист Оболенский, рабочий Голицын,
писатель Шапиро и вахмистр Кац...

ЭТЮД № 2

Вгрызаться в жизнь, как в пробку — штопор,
но в час, когда земля бела,
раздать долги, носки заштопать,
убрать посуду со стола,
подбить итог в последней смете,
к порогу бережно припасть.
Еще чуть-чуть, и ты — в бессмертье...
Осталось сжечь вторую часть.

ТРИ БАЛЛАДЫ ПРО РАБИНОВИЧА

БАЛЛАДА ПРО АДРЕС РАБИНОВИЧА

Вы знаете Абрама Рапопорта?
Что значит — нет?
Видали хохмача?!..
Его жена приехала с курорта,
а младший сын кончает на врача.
Две дочери —
два счастья, две улыбки.
Одна недавно сделала аборт.
А внук — отличник.
Учится на скрипке.
Большой талант, и тоже Рапопорт.

Приехали — так дед его обрезал.
Гуляли, пили —
где хватает сил?
Сам Рапопорт — гезынтер, как железо,
мне до него — как вам до Бени Хил.
Мы раньше вместе жили на Шулявке.
Такой район.
Теперь Шулявки нет.
Теперь мы тут,
и крутимся,
и дафке —
все хорошо, и куры на обед.
Вы спросите,
что я сегодня кушал?
Я кушал цимес.
Это значит — смесь...
Ах, Рабинович?
Здравствуйте!
А мушл.
Чтоб я не знал!..
Но он живет не здесь.
Найти его?
За чем же дело стало?
Маршрут простой,
как танца а фокстрот.
Идите прямо ровно два квартала.
Нет, не туда,
а пинькт наоборот!
По-моему,
у вас не все в порядке.
Вы слушаете, что мы говорим?
Так вот,
идите прямо без оглядки,
там на углу сидит мой друг Рувим.
Не трогайте его,
он еле дышит,
весь похудел и тает, как свеча.
А справа — дом
с большой трубой на крыше.

Не знаю,
наверное, с кирпича.
Он там один,
на самом повороте,
красавец дом,
и это не обман.
Вы подойдете,
станете напротив
и громко закричите:
„Куперман!!!”
Зачем кричать?
Приехали!
Так здрастье ж!
Какой вы умный, просто благодать.
Все окна в доме
распахнутся настежь,
и в каждом кто-то будет выглядеть.
Нет, я не лыгнер,
я вам врать не стану,
пусть обо мне рассказывают чушь, —
на каждое окно — по Куперману!
У них семья, нивроку, сорок душ.
А данькен гот,
хвагает колорита,
ир кент свободно шрайбн а роман!
Увидите — одно окно закрыто,
так значит —
там живет НЕ Куперман!
А кто?
Ир вейст ништ?
Ну, вот это новость!
Как говорится, просто нету слов.
Что значит — кто?
Ваш хавер — Рабинович,
пускай он будет счастлив и здоров!
Как — почему?
Я что — агентство Рейтер?
Фарфалн,
все,
сказал — и в стороне.

По-моему,
вы все-таки цыдрейтер,
чего же вы цепляетесь ко мне?..

БАЛЛАДА ПРО ПИДЖАК РАБИНОВИЧА

Сижу я как-то в кнессете.
Во рту от кофе горечь.
Жара.
Мозги расплавились,
и хочется пивка.
Вдруг слышу крик Менахема:
— Послушай, Рабинович,
у нас тут все правительство,
а ты без пиджака!
Растрепанный, расхристанный,
а ну тебя к монахам!..
Безоим перед публикой,
на что ты стал похож!
Да где же это видано?.. —
Я говорю:
— Менахем,
фармах зах на минуточку,
сейчас ты все поймешь.
Вус шрайс ты, как мешигенер?
У нас тут не ешива.
Ты с королевой Англии
знаком наверняка,
так вот,
чтоб ты не мучился —
она мне разрешила
в любимом нашем кнессете
сидеть без пиджака!
Я был недавно в Лондоне.
Зашел до них в парламент.
Там лорды,
пэры,
спикеры,
народу — полный зал.

А я сижу на стульчике,
как жмеринский меламед,
пиджак раздел,
естественно,
и туфли развязал.
Обмениваюсь майсами
с соседним депутатом.
Смотрю:
Ее Величество
встает из-за стола
и кикт аф мир внимательно,
как Рябчик афн татн.
Я говорю ей:
„Здравствуйте!
Вус эрцах?
Как дела?“

„Прошу у Рабиновича
минуточку вниманья! —
она мне очень вежливо
кричит издалека. —
Мой друг,
у нас тут все-таки
парламент, а не баня,
у нас, мой друг, не принято
сидеть без пиджака!
Оденьтесь, как положено,
и лордов не сердите.
Британские традиции —
основа всех основ!
Там, у себя, в Израиле,
пожалуйста —
сидите
без пиджака,
без галстука
и даже без штанов!..“

А я, Менахем, фейгеле,
не жлоб из Беер-Шевы.

Имею разрешение!
Что значит?
Только так.
А если недостаточно
английской королевы –
так я у Папы Римского
узнаю за пиджак...

БАЛЛАДА ПРО ПОХОРОНЫ РАБИНОВИЧА

Смотрю – уже везут кого-то.
Рыдания, траур, слезы, стон.
Такой хороший день – суббота,
а не прожить без похорон.
Плывут торжественные звуки...
Мы все не вечны,
мир такой.
Кому – страдания и муки,
кому – заслуженный покой.
Сидишь всю жизнь
в навозной жиже
и ждешь вечернюю зарю...
Я подхожу к толпе поближе.
„Кого хороним?“ – говорю.
Душа заходится от боли,
а мне в ответ,
как в сердце нож:
„Кого, кого...
Не видишь, что ли?
Да Рабиновича,
кого ж?..”
Мой старый друг,
Один из лучших,
прощай,
Закончена игра!..
Еще вчера
пришел, голубчик,
взял пять рублей,
еще вчера...

Что человек?
Лишь раб и нолик.
Кто знает свой последний час?
Ушел товарищ Рабинович,
светильник разума угас.
Теперь он в мире том,
особом,
откуда нет пути домой...
А я кричу,
бегу за гробом,
и что я вижу,
Боже мой!
Мой Рабинович,
друг родимый,
кусая нижнюю губу,
живой,
здоровый,
невредимый
сидит, как ягодка, в гробу!
Я говорю:
„Аф майне соним!
Ты что тут делаешь?
Привет!
Шлемазл, мы ж тебя хороним,
ты знаешь это или нет?“
Мой друг, наверно, обезумел —
он мне кивает головой!
„Но как же так?
Ведь ты не умер!
Ведь ты же, собственно, живой!..“
А он в ответ
не протестует,
в глазах —
усталость и печаль:
„Да,
но кого интересует
такая
мелкая
деталь?!..“

БАЛЛАДА О ДВУХ ВОЖДЯХ И О МАЙОРЕ, ИХ СТЕРЕГУЩЕМ

Мне память многое оставила,
годам и дням
утерян счет.
Я видел Ленина и Сталина —
в гробу, конечно,
где ж еще?..
Они вот так лежали около,
и я глядел на них
в упор.
Два брата,
два дружка,
два сокола!
А возле них стоял майор.
Стоял майор
и всех трудящихся
без слов разглядывал,
как пес —
следил,
чтоб два стеклянных ящика
никто с собою не унес.
Вот мы бежим,
спешим,
горопимся,
а он, со смены уходя,
сдавал имущество
по описи —
„Два саркофага, два вождя”.
Но как-то
(дело было к осени)
сюда пришел
стрелковый взвод
и вынес бедного Иосифа,
чтоб не смущал родной народ.

Его спалили в крематории,
не сняв сапог и эполет,
оставив Богу
и истории
судить, плохой он или нет...
Теперь майор
стерег Владимира
и опись вешал на скобу
с короткой записью,
а именно:
„Один великий вождь в гробу”.
И настроение повысилось,
а то всегда казалось —
глядь! —
вдруг встанет тот генералиссимус
и тихо скажет:
„Расстрелять”.
И увезут тебя
за высылки,
и не успеешь крикнуть „ох!”...
А этот — нет,
не встанет,
лысенький,
уже и высох,
и засох.
Лежит печальный,
Озабоченный,
к нему идут издалека
студенты,
школьники,
рабочие,
руководители ЦК.
А служба — что ж,
сиди с покойником,
блюди устав,
не дуя в ус.
Майор бы стал и подполковником,
но тут произошел конфуз.

Был праздник.
Было все расцвечено,
огни, гирлянды, красный креп.
Майор пришел на смену вечером,
взял револьвер,
спустился в склеп,
проверил свет и отопление,
потом,
наряды разведя,
зашел и видит —
нету Ленина!
Ни гроба нету,
ни вождя!..

Все есть —
ключи,
цветы на полочке...
Майор,
цена тебе — пятак!
Нет Ильича.
Украли, сволочи!
Как ветром сдуло,
мать их так!..

Покуда с песнями и маршами
народ шагал
под кумачом,
покуда хмурики и маршалы
топтались тут
над Ильичом, —
пришли евреи и очкарики,
враги свободного труда,
схватили за ноги и за руки
и унесли
невесть куда!..
Помилуй,
мать-Богородица!
Майор,
не мучайся, сынок, —

теперь тебя уже, как водится,
усадят в черный воронок,
пойдешь глухими коридорами
туда,
в последний свой приют,
где жизни нет
и только вороны
тупое темечко клюют...
Давай, майор,
в дорогу дальнюю!..
Он знает службу —
он такой,
он кнопку красную,
сигнальную,
нажал дрожащею рукой.
Сбежались бойкие охранники,
железом кованым стуча, —
стоит майор
и в жуткой панике
кричит:
„Украли Ильича!..”

Но некто из администрации —
должно быть,
очень важный чин —
сказал,
что вождь на реставрации
и для тревоги нет причин.
Вернется, дуся, краше прежнего,
на благо всей страны родной!
„А вас, —
сказал майору вежливо, —
прошу проследовать за мной”.
С тех пор майора и не видели.
Ищи-свищи —
напрасный труд.
Жена искала
и родители —
и не нашли.
И не найдут.

А что касается виновника
всех наших
вынужденных
бед —
ему два медика-полковника
производили марафет.
Во время этой катавасии —
чтоб вождь был вождь,
а не гнилье! —
его почистили,
подкрасили,
надели свежее белье.
Потом ступенями скрипучими
снесли обратно,
в Мавзолей,
а то за ним уже соскучились
герои фабрик и полей.
И вновь поэты
звонкой лирою
бренчат во славу Октября,
и вновь лежит он, как —
(цитирую) :
„живой с живыми говоря...””

А мне —
что после реставрации,
что до,
что слава,
что хула —
мне все равно.
Я в эмиграции,
и у меня свои дела.
Теперь до тела залежалого
держу
изрядный интервал.
Я с детских лет
вождей не жаловал,
майорам честь не отдавал.

Забуду
желтого, постылого,
преодолею
стыд и мрак...

Нет,
не могу понять Шепилова, —
чего он к ним примкнул,
дурак?..

НАТЮРМОРТ

Закажу натюрморт, чтоб глядел на меня со стены,
чтобы радовал глаз, чтобы свет появился

в квартире.

Нарисуй мне, художник, четыреста грамм ветчины,
малосольных огурчиков нежинских штуки четыре,
полбуханки ржаного, салатик, тарелку борща, —
а в тарелке мосол и сметаны столовая ложка, —
двух цыплят-табака, чтоб зывали ко мне, трепеща,
молодой чесночок посреди отварного горошка,
а на третье — компот. Постарайся — не очень густой.
Можно фруктов немного, клубники, бананов —

и баста.

А останутся краски — ты где-нибудь сбоку пристрой
незабвенный стаканчик примерно на грамм

полтора.

И тогда я скажу — ты художник, а не дилетант,
и причислю тебя к золотому безлюдному фонду!

Просто страшно подумать, на что ты угробил талант,
ни цыплят, ни борща — малевал, понимаешь,

Джоконду...

ЭЛЕГИЯ

Плыву, как мелкий частичек,
от берега вдали.

Пора купить участок
кладбищенской земли.

Улягусь честь по чести,
когда придет черед,
в сухом хорошем месте,
подальше от ворот.

Земля — не пух постели,
а вечный капитал!
...Лишь листья б шелестели
и ветер долетал,
лишь только б с неба проседь,
ни лета, ни зимы...
Земля еды не просит
и не берет взаймы.

Куд-то годы делись,
но — не подбит итог!
Я — как землевладелец —
еще спишу налог,

засею свой участок
морковью и свеклой,
и стану жить как частник,
и обрету покой.

О, как мне будут сладки
навары от борщей,
когда взойдут на грядке
два фунта овощей!

Владелец урожая,
я съем земли плоды,
в уме перемножая
гектары и пуды...

А к рождеству Христову,
Держа пятак в горсти,
пойду куплю корову —
есть место, где пасти...

НОКТИЮРН

...Беда со временем, беда.
Идут года, мелькают даты,
друзья уходят кто куда —
кто в доктора, кто в кандидаты.

Нам раем стали шалаши.
Забьты все и все забыто.
Мой друг,
        поэзию души
уже сменяет проза быта!..

Где неоткрытые миры? —
Увы, не выдержан экзамен...
Жизнь коротка — идем с горы,
вершина пройдена, и амен!..

Живем и лечимся от грыж,
и на ночь пьем стакан кефира...
        В углу, за старой парой лыж
        ржавеет брошенная лира.

        Подох стреноженный Пегас —
        надежда наша и обуза,
        и никогда уже от нас
        не забеременеет Муза.

        Не прыгнем выше бытия,
        и вдохновение — химера.
Но подрастают сыновья
и громко требуют примера...

ДВА ОКЕАНА

Але

Сперва я думал — ты ручей,
звнящий тонко,

незамечаемый, ничей,
а мой, и только.

Потом я понял — ты река,
в реке пороги,
твои крутые берега
порой отлоги,

и есть вдали песчаный плес,
где ждет нас что-то...
Шумит река, а я — матрос
речного флота.

Ни берегов, ни огонька,
когда мы в ссоре.
А может быть, ты не река?
Ты — море, море!

Гуляют шальные ветра,
поют сирены,
и день грядущий на-гора
встает из пены.

Плыву сквозь грохот и туман,
послушный морю!..
А может быть, ты — океан?
И я не спорю.

В пучину канули года,
слова и лица...
Как холодна твоя вода,
мне не напиться!..

Живу, не веруя в обман,
волной омытый...
Ты — Ледовитый океан,
ох, Ледовитый!..

Уже и молодость прошла,
и зябну летом,

а если хочется тепла —
молчу об этом.

И ты, обиды не храня,
яви мне милость —
прости, любимая, меня
за молчаливость,

такой уж мне характер дан —
не для шумихи...
Я тоже, может, океан,
но только — Тихий...

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

Я. Т.

Родившийся в обманный день, —
избави Бог нас от обмана!
Нам улыбаются жеманно,
держа за пазухой кистень!..

В тиши полночной стук подков, —
беги, не будь достигнут ложью,
к ее чугунному подножью
не приноси своих венков!

Не пожелай, не укради —
назло всемирному обману,
и правду жди, как с неба манну,
как сверхъестественного, жди!

А может, правда — это яд,
дурман, придуманный лгунами,
мираж за плотными стенами,
и мы — во лжи с лица до пят,

и наши первые шаги —
не в лучший мир, — шаги в болото,

обман — любовь, обман — работа,
обман — друзья, обман — враги?..

И не поднимется рука
избавить душу от обмана...

Но вдруг,
как лодка из тумана
мелькнет прозрачная строка...

СЛОВА

Дела — делами, но вначале
Всегда слова, слова, слова, —
Слова любви, слова печали,
Слова — сухие, как дрова,

Слова пустые, как полова,
Слова — и колокол, и прах.
Кто в мире знает цену слова?
Пожалуй, только телеграф.

И боль, и ненависть, и мука,
И плач, и даже имена
Идут по три копейки штука,
Увы, такая им цена.

Слова простые, как репейник,
Неумолимые, как танк, —
„Я умираю” — шесть копеек
И плюс художественный бланк...

ВОЗВРАЩАЕТСЯ ВЕТЕР

Возвращается ветер на круги своя.
Возвращается ветер и песню приносит.

Дай нам Бог уходить
и опять возвращаться,
как вернется подхваченный ветром листок...

И какого рожна мне? —
и дом, и семья,
и супруга верна, и друзья непродажны,
слава Богу, живется, как всем, —
но однажды
возвращается
ветер
на круги своя...

ЧУЖОЙ В РАЮ

(поэма)

Посвящается Але и детям

...когда мне делать нечего
усядусь
и пою
пою мое отечество
республику мою
покинутую родину
извечную страду
печальную мелодию
на тень ее кладу
с ее лугами
чащами
с ее речной водой
заботами вчерашними
и завтрашней бедой
пою
и сердце лечится
от всех былых обид

как сладок дым отечества
когда оно горит

напишите роман
как один неприметный еврей
сорока с небольшим
инженер
обладатель диплома
забирает семью
и бежит из родимого дома
за четыре границы
и дюжину разных морей
он бежит без оглядки
гонимый
как пыль на ветру
за собой оставляя
сомненья
грехи
упованья
и могилу отца
не дожившего до расставанья
и усталую мать
и смертельно больную сестру
оставляя друзей
без которых беда тяжела
дорогих и любимых
ни дня не прожить без которых
все мосты сожжены
до конца израсходован порох
уезжаю
прощайте
а там уж
была не была

вот я стою
открытый всем ветрам
всем наводнениям
бурям
ледоходам
добру и злу
закатам и восходам
звезде в ночи
и солнцу по утрам

вот я стою
потрогайте
живой
уймите ваше разочарованье
недолго мне
уже билет в кармане
и тень беды кружит над головой

о не пугайтесь
вычурных словес
я так
на всякий случай
все от бога
письмо надежда дальняя дорога
казенный дом любовный интерес
все от него
и камень и строка
но даже он
и тот небескорыстен
как жаль
что постиженье вечных истин
приходит только после сорока
как жаль
что я
по молодости лет
жил как циркач
у мира на арене
приходит запоздалое прозренье
все прах и тлен
и суета сует
все прах и тлен
и лишь душа цела
в стихи и сны упрятанная робко
зажжен очаг
и варится похлебка
и не звонят по мне колокола

отверженный
бегу от суеты

кому сказать
почем на свете лихо
нет ни души
оглядываюсь
тихо
как пусто на земле

горят мосты

я деревянный человечек
ни братом не был вам
ни другом
один как перст на целом свете
ни с кем не жил
нигде не рос
я сделан просто из полена
и острым ножичком обструган
и мне достались в дар от папы
веселый нрав и длинный нос
я к вам пришел на представленья
я знал
что вы марионетки
и что невидимые нити
вас тянут бедных
вверх и вниз
я продал азбуку и куртку
за две паршивые монетки
чтоб хоть разок полюбоваться
на вашу кукольную жизнь
и вот сижу на лучшем месте
беспечный мальчик буратино
а рядом плачет
и хохочет
и умиляется народ
когда выходят на подмостки
два нестареющих кретина
мне жаль пьеро и арлекина
они в трудах
который год

у арлекина шутки плоски
пьеро вздыхает по невесте
невеста бегаёт по саду
и что-то молвит свысока
стоят картонные деревья
летают бабочки из жести
собака лает
ветер носит
а в сердце
смертная тоска

а у пьеро со дня рожденья
незаживающая астма
у арлекина между прочим
гипертония и склероз
они свое уже отпели
и только девочка прекрасна
мне никуда уже не деться
от голубых ее волос
звучат последние аккорды
у представленья
век короткий
умолкнет жалобная флейта
затихнет сонный барабан
а вас печальные ребята
уложат бережно в коробки
задут праздничные свечи
и опустеет балаган
и я вас больше не увижу
нелепых
грустных
и усталых
но ты
невеста в белом платье
не уходи еще
постой
забудь об этих двух паяцах
мальвина
девочка
оставь их

смотри в руке моей сверкает
волшебный ключик золотой
ты подойди и дай мне руку
о ненаглядная мальвина
и мы пойдем бродить по свету
и дверь заветную найдем
откроем ключиком волшебным
и молча сядем у камина
и свет луны
как свет надежды
с ночных небес прольется в дом
я для тебя не пожалею
ни слов
ни песен
самых лучших
за дверью нашей будет счастье
ни слез
ни вздохов
ни потерь

но ради всех святых на свете
сперва спроси
на что мне ключик
когда я до сих пор не знаю
где эта запертая дверь

проснусь ни свет и ни заря
и долго буду ждать рассвета
и в синих окнах будет лето
и ночь
и блики фонаря

блаженны спящие в ночи
да будет славен
всякий сущий
кто сладко спит
на день грядущий
добыв насыщенные харчи

он дверь закроет на засов
и ночь заплещется прибоем
как передышка перед боем
стенных натруженных часов
проснусь ни свет и ни заря
мне раньше спалось
беспробудней
и меньше было сонных будней
и время двигалось
не зря
житейским опытом богат
теперь
торжественно и мудро
встречаю будничное утро
и молча щурюсь на закат

однажды мне приснился рай
ни возроптать
ни удивиться
едой была мне чечевица
питьем нектар
жильем сарай
нет чтобы сеять и полоть
по наущенью злого гада
я съел запретный плод из сада
и тут
явился мне
господь
весь уходя куда-то ввысь
и трубным голосом играя
он закричал мне
вон из рая
чтоб духу не было
катись
куда я собственно пойду
я божьей кары не приемлю
я не хочу назад
на землю
и не хочу гореть в аду

и я тогда ему
прости
шепчу печально и покорно
землей и адом сыт по горло
туда мне больше нет пути
не прогоняй меня
старик
и тут я кажется проснулся
глухая ночь
биенье пульса
и тишина
как в этот миг

и тишина
еще ни зги
дай бог
чтоб утро было впрок нам
но вдруг
неясный стук по окнам
и чьи-то легкие шаги
но вдруг
смятение в груди
и некто
тихо и сурово
вдруг скажет три заветных слова
сейчас — начнется — выходи

я выйду в ночь
и никого
три вещей слова
как знаменье
рассвет
пожар
землетрясенье
поминки или торжество
сейчас начнется
подойдет
неслышно
к этому порогу

сейчас начнется
слава богу
недолго ждать уже
вот-вот

не спите
так грустно
а вы далеки и надуты
за окнами ветер
качается небо
не спите
куда вы уходите
в эти глухие минуты
слова угасают
и рвутся последние нити
куда вы уходите
где ваша гавань и пристань
какими словами
сказать вам что в сердце тревога
что рядом страдает
простой и нелепый
как выстрел
случайный попутчик
каких к сожалению много
пустыня меж нами
пустыня
ни древа ни злака
откройте глаза
улыбнитесь печально и сонно
уже по дороге гуляет большая собака
гроза надвигается
слышите запах озона
сирень зацветает
не спите
погода коварна
но выглянет солнце
наступит такое мгновенье
прервите молчанье
тяжелое как наковальня

прервите молчанье
прекрасное как сновиденье
о чем я молчу
не о том ли
что песенка спета
а годы уходят
и в молодость нету возврата
за все в этой жизни
на что налагается вето
уплачено сердцем
а это ничтожная плата
не верьте стихам
и словам недосказанным
ибо
так просто писать
и так трудно прожить
без помарок
спасибо за встречу
за то что вы рядом
спасибо
не знал и не ведал
считаю что это подарок
живите спокойно
ничем вы себя не связали
и что вам за дело
до жизни и сердца паяца
но кажется мне
что сижу я на дымном вокзале
а поезд уходит
и сил уже нету подняться

и вдруг потянет к белому стиху
без удержу
как лодку на фарватер
так нашу неразумную праматерь
тянуло к первородному греху

окончится засилье волшебства
и явятся
невтиснутые в рифму
ценимые по льготному тарифу
простые и понятные слова
и канут в мир
дай бог их не спугнуть
как чистого младенца в крике первом
не будет ни метафор
ни гипербол
а только жизнь
а только смысл и суть

ах наша жизнь
коробка скоростей
не тщишь понять
как этот мир печален
печальны мы
живем среди развалин
своих
чужих ли
судеб и страстей
считаем запоздалые рубли
и прочь бежим
от тягот и лишений
потертые
усталые мишени
по нам
по нам
все пушки мира
пли

(...Та девочка, которая была
моею самой первою любовью,
бессонницей моей неразделенной, —
той девочки уже на свете нет.
Есть женщина, с которой я знаком
с тех давних пор — треть жизни, четверть века,
но судьбы наши так непараллельны,
что пусть в гробу застрелится Эвклид,

а им уже вовек не пересечься.
Но по ночам я вижу странный сон:
распахнут мир, и раннею весною
стою один у старых школьных стен.
Еще я мальчик, полный ожидания,
Еще живут мои учителя,
и все — еще, и лишь одно — уже,
уже известно таинство рождения
ничтожных, но рифмующихся слов,
и сладкий хмель в душе моей, а мимо,
а мимо эта девочка идет,
предмет моей любви и вздыханий.
Я ей кричу: останься, подари
на память мне хоть пару нежных слов,
улыбку, взгляд, руки прикосновение,
и счастлив я — на много дней вперед!
Кричу, зову, а девочка уходит,
уходит, как проходит сквозь меня...
Я ей гляжу вослед — и просыпаюсь,
и горько мне, и стыдно, как тогда,
как будто это был не сон, а явь,
как будто вот она — рукой подать —
прошла и не оставила надежды...

О, жалкая ирония судьбы!..

А может, это к лучшему, а может,
когда б не эта первая, смешная,
ничем не замутненная любовь,
во мне бы не жило напоминанье
о детстве и о юности, в которых
она была, как светлое пятно?..
Пути Господни неисповедимы.
Ах, девочка, узнать бы наперед,
какой нам образ жизни уготован,
какие люди ожидают нас,
где камень на дороге, чтоб споткнуться,
узнать, что жизнь — всего лишь вечный повод
найти врагов и потерять друзей...
Вот — встретились...)

и тянет
тянет к белому стиху
плывут слова
торжественно и слитно
плывут
как поминальная молитва
как тихий плач ребенка на духу
умолкли пушки
остановлен бег
и ночь неслышно летопись листает

а белый стих
как белый снег
ложится в душу
и не тает
кому поэзия нужна
когда
в какие времена
мой древний пращур
пасть паучья
соединил слова в созвучья
будь проклят он
его вина

горел костер
пылали сучья
на тонкой шкуре
у бревна
сидел он
первый
безымянный
произошел от обезьяны
и тут же
в строки
в письма

с тех давних пор
я знаю рифмы
ни врубмашины
ни сохи

ушли помпеи и коринфы
остались песни и стихи
зачем я
мучаюсь бессонно
являя душу напоказ

у чукчей нет анакреона
и ничего
не хуже нас

когда-нибудь вернуться в отчий дом
пройти по навощенному паркету
несбыточно
туда дороги нету
но все равно
однажды летним днем
покинуть поезд
выйти налегке
вдохнуть былые запахи и звуки
закрыть глаза
и вспомнить час разлуки
слова любви
снежинку на щеке
увидеть вдруг за далью стольких лет
на краешке вечернего перрона
еще стоят
светло и отрешенно
мои друзья
и машут мне вослед

сойти в метро
доехать до Днепра
и сделать пересадку
уповая
на скорость незабвенного трамвая
глядеть в окно
потом сказать
пора

ушедшим дням
пора
моей любви
несбывшейся
пора
моей печали
последнему прощанию на вокзале
так вот он миг единственный
лови
воздай благодарение судьбе
за эту новоявленную милость
за то что ничего не изменилось
дома
цветы
табличка на столбе
сверкающий подземный переход
и улица
которая знакома
отсюда пять минут ходьбы
до дома
ну может шесть
но кто ведет им счет
уже рукой подать
ускорить шаг
направиться к заветному подъезду
в былые дни я так встречал невесту
войти
в его прохладный полумрак
взбежать наверх
вот раз
и два
и три
по вытертым ступеням
мимо лифта
нажать звонок
и тихо
как молитва
он прозвучит за дверью изнутри
мой отчий дом
отрада и семья

приют моим печалям и заботам
и голос мамы тихо спросит
кто там
и я отвечу
мама это я
как блудный сын
вернувшийся с дорог
я припаду к стопам ее
и снова
взойду под сень родительского крова
о защите от тягот и тревог
и мамина печальная рука
моих седин нестриженных коснется
и что-то неожиданно проснется
в моей душе
и я наверняка
заплачу вдруг
и это будет плач
по жизни
уходящей
и грядущей
что я нашел
искатель райских кущей
каких я удостоился удач
плач по друзьям
по шороху травы
по синему ручью
по зимним соснам
друзья мои
как мало довелось нам
встречаться
и не встретимся увы
плач по сестре
единственной
ушла
в тот мир где нет ни горя ни обмана
как страшно что навеки
жаль что рано
о мама
смерть глядит из-за угла

я плачу мама
тают как свеча
мои непродолжительные годы
и сладко мне
и тают все невзгоды
у маминого
теплого
плеча

когда-нибудь вернуться в отчий дом
собрать друзей
на шумное веселье
на повесть о заморской одиссее
в которую
поверится с трудом
да было ли
ночные поезда
убогие ночлежки
чемоданы
чужие заколдованные страны
забыть навеки
раз и навсегда
земля кругла
разрушен колизей
мы сметены невиданным потопом
как птицы на ветру
по всем европам
могилы наших близких и друзей
но мы кто живы
дай нам бог добра
и дай нам бог
не забывать друг друга
и ждать как исцеления недуга
минувших дней
и песен у костра
все в прошлом
все потеряно
быльем
позаросло
прощайте кнут и пряник

чужой в раю
твержу как вечный странник
когда-нибудь вернуться в отчий дом

и дописать последнюю главу

хоть на часок
на сутки
ненадолго
так тянет в лес
простреленного волка

когда-нибудь

но я
не доживу

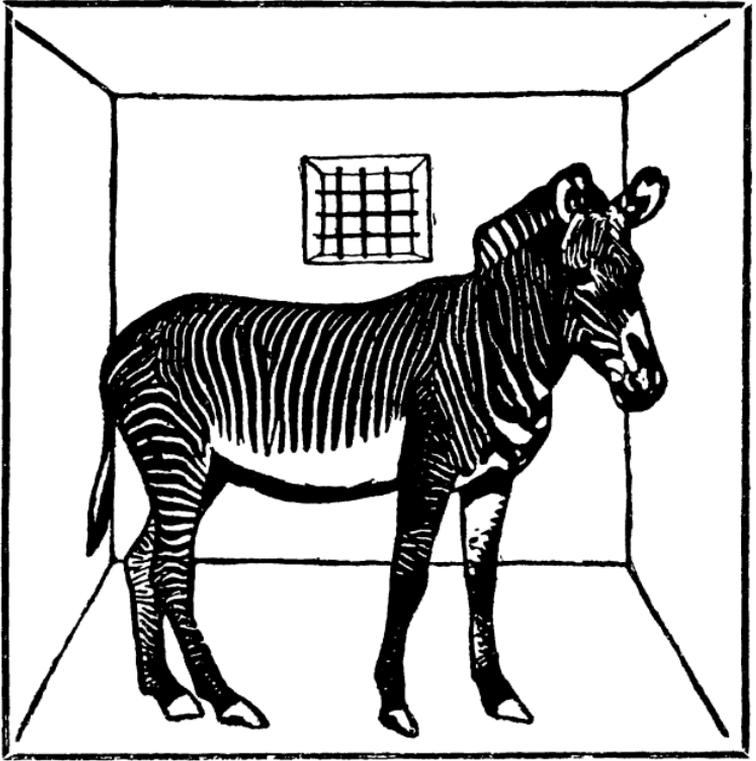

ВАГРИЧ БАХЧАНЯН

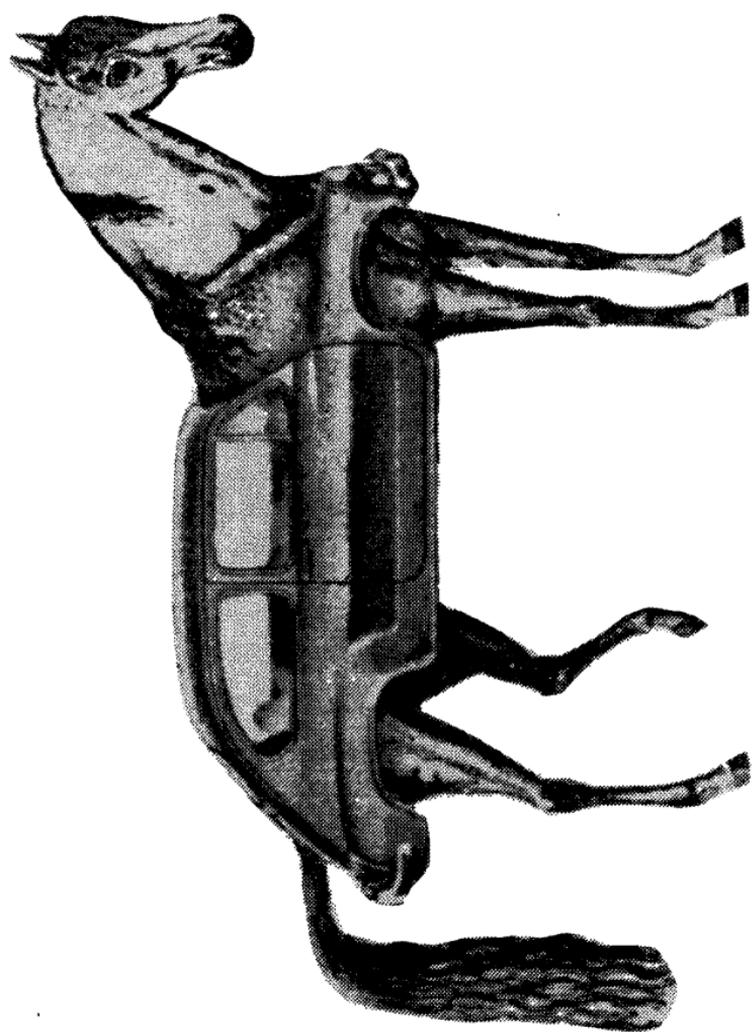

ЗООПАРК КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

ХОЧУ БЫТЬ СИЛЬНЫМ

Когда-то я был школьником, двоечником, авиамоделистом. Списывал диктанты у Регины Мухолович. Коллекционировал мелкие деньги. Смущался. Не пил...

Хорошее было время. (Если не считать культа личности.)

Помню, мне вручили аттестат. Директор школы, изловчившись, внезапно пожал мою руку. Затем я окончил матмех ЛГУ и превратился в раздражительного типа

с безумными комплексами. А каким еще быть молодому инженеру с окладом в девяносто шесть рублей?

Я вел размеренный, уединенный образ жизни и написал за эти годы два письма.

Но при этом я знал, что где-то есть другая жизнь — красивая, исполненная блеска. Там пишут романы и антироманы, дерутся, едят осьминогов, грустят лишь в кино. Там, сдвинув шляпу на затылок, опрокидывают двойное виски. Там кинозвезды, утомленные магнием, слабеющие от запаха цветов, вяло роняют шпильки на поролоновый ковер...

Жил я на улице Зодчего Росси. Ее длина — 340 метров, а ширина и высота зданий — 34 метра. Впрочем, это не имеет значения.

Два близлежащих театра и хореографическая школа формируют стиль этой улицы. Подобно тому, как стиль улицы Чкалова формируют два гастронома и отделение милиции...

Актрисы и балерины разгуливают по этой улице. Актрисы и балерины! Их сопровождают любовники, усачи, негодяи, хозяйка жизни.

Распахивается дверца собственного автомобиля. Появляются ноги в ажурных чулках. Затем — синтетическая шуба, ридикюль, браслеты, кольца. И наконец — вся женщина, готовая к решительному, долгому отпору.

Она исчезает в подъезде театра. Над

асфальтом медленно тает легкое облако французских духов. Любовники ждут, разгуливая среди колонн. Манжеты их белеют в полумраке...

Чтобы почувствовать себя увереннее, я начал заниматься боксом. На первенстве домоуправления моим соперником оказался знаменитый Цитриняк. Подергиваясь, он шагнул в мою сторону. Я замахнулся, но тотчас же всем существом ударился о шершавый и жесткий брезент. Моя душа вознеслась к потолку и затерялась среди лампионов. Я сдавленно крикнул и пополз. Болельщики засвистели, а я все полз напролом. Пока не уткнулся головой в импортные сандалеты тренера Шарафутдинова.

— Привет, — сказал мне тренер, — как делишки?

— Помаленьку, — отвечаю. — Где тут выход?..

С физкультурой было покончено, и я написал рассказ. Что-то было в рассказе от моих ночных прогулок. Шум дождя. Уснувшие за рулем шоферы. Безлюдные улицы, которые так похожи одна на другую...

Бородатый литсотрудник долго искал мою рукопись. Роясь в шкафах, он декламировал первые строчки:

— Это не ваше — „К утру подморозило...”?

— Нет, — говорил я.

— А это — „К утру распогодилось...”?

— Нет.

— А вот это — „К утру Ермил Федотович скончался...”?

— Ни в коем случае.

— А вот это, под названием „Марш одноногих”?

— „Марш одиноких”, — поправил я.

Он листал рукопись, повторяя:

— Посмотрим, что вы за рыбак... Посмотрим...

И затем:

— Здесь у вас сказано: „...И только птицы кружились над гранитным монументом...” Желательно знать, что характеризуют собой эти птицы?

— Ничего, — сказал я, — они летают. Просто так. Это нормально.

— Чего это они у вас летают, — брезгливо поинтересовался редактор, — и зачем? В силу какой-то художественной необходимости?

— Летают и все, — прошептал я, — обычное дело...

— Ну хорошо, допустим. Тогда скажите мне, что олицетворяют птицы в качестве нравственной эмблемы? Радиоволну или химическую клетку? Хронос или Демос?..

От ужаса я стал шевелить пальцами ног.

— Еще один вопрос, последний. Вы — жаворонок или сова?

Я закрычал, поджог бороду редактора и направился к выходу.

Вслед донеслось:

— Минуточку! Хотите, дам один совет в порядке бреда?

— Бреда?!

— Ну, то есть от фонаря.

— От фонаря?!

— Как говорится, из-под волос.

— Из-под волос?!

— В общем, перечитывайте классиков. Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Толстого. Особенно — Толстого. Если разобраться, до этого графа подлинного мужика в литературе-то и не было...

С литературой было покончено.

Дни потянулись томительной вереницей. Сон, кефир, работа, одиночество. Коллеги, видя мое состояние, забеспокоились. Познакомили меня с развитой девицей Фридой Штейн.

Мы провели два часа в ресторане. Играла музыка. Фрида читала меню, как Тору — справа налево. Мы заказали блинчики и кофе.

Фрида сказала:

— Все мы — люди определенного круга.

Я кивнул.

— Надеюсь, и вы — человек определенного круга?

— Да, — сказал я.

— Какого именно?

— Четвертого, — говорю, — если вы подразумеваете круги ада.

— Bravo! — сказала девушка.

Я тотчас же заказал шампанское.

— О чем мы будем говорить? — спросила Фрида. — О Джойсе? О Гитлере? О Пшебышевском? О черных терьерах? О структурной лингвистике? О неофрейдизме? О Диззи Гиллеспи? А может быть, о Ясперсе или о Кафке?

— О Кафке, — сказал я.

И поведал ей историю, которая случилась недавно:

„Прихожу я на работу. Останавливает меня коллега Барабанов.

— Вчера, — говорит, — перечитывал Кафку. А вы читали Кафку?

— К сожалению, нет, — говорю.

— Вы не читали Кафку?

— Признаться, не читал.

Целый день Барабанов косился на меня. А в обеденный перерыв заходит ко мне лаборантка Нинуля и спрашивает:

— Говорят, вы не читали Кафку. Это правда? Только откровенно. Все останется между нами.

— Не читал, — говорю.

Нинуля вздрогнула и пошла обедать с коллегой Барабановым...

Возвращаясь с работы, я повстречал геолога Тищенко. Тищенко был по обыкновению с некрасивой девушкой.

— В Ханты-Мансийске свободно продается Кафка! — издали закричал он.

— Чудесно, — сказал я и, не оглядыва-

ясь, поспешил дальше.

— Ты куда? — обиженно спросил геолог.

— В Ханты-Мансийск, — говорю.

Через минуту я был дома. В коридоре на меня обрушился сосед-дошкольник Рома.

Рома обнял меня за ногу и сказал:

— А мы с бабуленькой Кафку читали!

Я закричал и бросился прочь. Однако Рома крепко держал меня за ногу.

— Тебе понравилось? — спросил я.

— Более или менее, — ответил Рома.

— Может, ты что-нибудь путаешь, старик?

Тогда дошкольник вынес большую рваную книгу и прочел:

— РУФКИЕ НАРОДНЫЕ КАФКИ!

— Ты умный мальчик, — сказал я ему, — но чуточку шепелявый. Не подарить ли тебе ружье?

Так я и сделал...”

— Bravo! — сказала Фрида Штейн.

Я заказал еще шампанского.

— Я знаю, — сказала Фрида, — что вы пишете новеллы. Могу я их прочесть? Они у вас при себе?

— При себе, — говорю, — у меня лишь те, которых еще нет.

— Bravo! — сказала Фрида.

Я заказал еще шампанского...

Ночью мы стояли в чистом подъезде. Я хотел было поцеловать Фриду. Точнее говоря, заметно пошатнулся в ее сторону.

— Bravo! — сказал Фрида Штейн. — Вы напились, как свинья!

С тех пор она мне не звонила.

Дни тянулись серые и неразличимые, как воробьи за окнами. Как листья старых тополей в унылом нашем палисаднике. Сон, кефир, работа, произведения Золя. Я заболел и выздоровел. Приобрел телевизор в кредит.

Как-то раз около „Метрополя” я повстречал бывшего одноклассника Секина.

— Где ты работаешь? — спрашиваю.

— В одном НИИ.

— Деньги хорошие?

— Хорошие, — отвечает Секин, — но мало.

— Bravo! — сказал я.

Мы поднялись в ресторан. Он заказал водки.

Выпили.

— Отчего ты грустный? — Секин коснулся моего рукава.

— У меня, — говорю, — комплекс неполноценности.

— Комплекс неполноценности у всех, — заверил Секин.

— И у тебя?

— И у меня в том числе. У меня комплекс твоей неполноценности.

— Bravo! — сказал я.

Он заказал еще водки.

— Как там наши? — спросил я.

— Многие померли, — ответил Секин, —

например, Шура Глянец. Глянец пошел купаться и нырнул. Да так и не вынырнул. Хотя прошло уже более года.

— А Миша Ракитин?

— Заканчивает аспирантуру.

— А Боря Зотов?

— Следователь.

— Ривкович?

— Хирург.

— А Лева Баранов? Помнишь Леву Баранова? Спортсмена, тимуровца, победителя всех олимпиад?

— Баранов в тюрьме. Баранов спекулировал шарфами. Полгода назад встречаю его на Садовой. Выходит Лева из Апраксина двора и спрашивает:

„Объясни мне, Секин, где логика?! Покупаю болгарское одеяло за тридцать рэ. Делю его на восемь частей. Каждый шарф продаю за тридцать рэ. Так где же логика?!...”

— Bravo! — сказал я.

Он заказал еще водки...

Ночью я шел по улице, расталкивая дома. И вдруг очутился среди колонн Пушкинского театра. Любовники, бретеры, усачи прогуливались тут же. Они шуршали дакроновыми плащами, распространяя запах сигар. Неподалеку тускло поблескивали автомобили.

— Эй! — закричал я. — Кто вы?! Чем занимаетесь? Откуда у вас столько денег? Я тоже стремлюсь быть хозяином жизни! Научите меня! И познакомьте с Элиной

Быстрицкой!..

— Ты кто? — спросили они без вызова.

— Да так, всего лишь Егоров, окончил матмех...

— Федя, — представился один.

— Володя.

— Толик.

— Я — протезист, — улыбнулся Толик. — Гнилые зубы — вот моя сфера.

— А я — закройщик, — сказал Володя, — и не более того. Экономно выкраивать гульфик — чему еще я мог бы тебя научить?!

— А я, — подмигнул Федя, — работаю в комиссионном магазине. Понадобятся импортные шмотки — звони.

— А как же машины? — спросил я.

— Какие машины?

— Автомобили? „Волги”, „Лады”, „Жигули”?

— При чем тут автомобили? — спросил Володя.

— Разве это не ваши автомобили?

— К сожалению, нет, — ответил Толик.

— А чьи же? Чьи же?

— Пес их знает, — откликнулся Федя, — чужие. Они всегда здесь стоят. Эпоха такая. Двадцатый век...

Задыхаясь, я бежал к своему дому. Господи! Торговец, стоматолог и портной! И этим людям я завидовал всю жизнь! Но про автомобили они, конечно, соврали!

Разумеется, соврали! А может быть, и нет!..

Я взбежал по темной лестнице. Во мраке были скуповато рассыпаны зеленые кошачьи глаза. Пугая кошек, я рванулся к двери. Отворил ее французским ключом. На телефонном столике лежал продолговатый голубой конверт.

Какому-то Егорову, подумал я. Везет же человеку! Есть же такие счастливики, баловни фортуны! О! Но ведь это я — Егоров! Я и есть! Я самый!..

Я разорвал конверт и прочел:

„Вы нехороший, нехороший, нехороший, нехороший, нехороший!“

Фрида Штейн.

P.S. Перечитайте Гюнтера де Бройна, и вы разгадаете мое сердце.

Ф. Штейн.

P. P. S. Кто-то забыл у меня в подъезде сатиновые нарукавники.

Ф. Ш.”

Что все это значит, думал я?! Торговец, стоматолог и портной! Какой-то нехороший Егоров! Какие-то сатиновые нарукавники! Но ведь это я — Егоров! Мои нарукавники! Я нехороший!.. А причем здесь Лев Толстой? Что еще за Лев Толстой?! Ах да, мне же нужно перечитать Льва Толстого! И еще — Гюнтера де Бройна! Вот с завтрашнего дня и начну...

БЛЮЗ ДЛЯ НАТЭЛЛЫ

В Грузии — лучше. Там все по-другому. Больше денег, вина и героизма. Шире жесты и ближе ладонь к рукоятке ножа...

Женщины Грузии строги, пугливы, им вслед не шути. Всякий знает: баррикады пушистых ресниц — неприступны.

В Грузии климата нет. Есть лишь солнце и тень. Летом тени короче, зимою — длиннее, и все.

В Грузии — лучше. Там все по-другому...

Я сжимаю в руке заржавевшее это перо. Мои пальцы дрожат, леденеют от страха. Ведь инструмент слишком груб. Где уж мне написать твой портрет! Твой портрет, Бокучава Натэлла!

О, Натэлла! Ты — чаша на пиру бородатых и сильных! Ты — глоток родниковой воды после драки! Ты — грустный мотив, долетевший сюда из неведомых окон! Ты — ливень, который застал нас в горах! И дерево, под которым спаслись мы от ливня! И молния, разбивающая дерево в щепки!.. Ты — юность прекрасной страны!..

Каждое утро Натэлла раздвигает тяжелые воды Арагвы. На берегу остается прижа-

тый камнем сарафан, часы и летние туфли.

Натэлла уплывает, изменчиво белея под водой. Тихо шелестят на берегу кусты винограда „Изабель”. А за кустами в этот момент бушуют страсти. Там давно сидит на корточках Арчил Пирадзе, зоотехник.

Час назад Арчил Пирадзе вышел из дому.

— Арчил, — заявила ему старуха Кеке Пирадзе, — я жду. Я переживаю, когда тебя нет. Вот смотри, я плюю на крыльцо. Пока оно сохнет, ты должен вернуться.

— Хорошо, — сказал Арчил.

Старуха плюнула и ушла в дом. Тогда ее сын начал действовать. Он вытащил из-под крыльца заржавленное ружье. Потом зарядил его и направился к реке.

Теперь он сидит на корточках и ждет. Наконец смыкаются воды Арагвы. Натэлла ступает по гладким камням...

Что на свете прекраснее этой картины?! Каково это видеть Арчилу Пирадзе?! Арчилу, который приходит в беспамятство даже от гипсовой статуи, изображающей лошадь?!..

И тогда Арчил Пирадзе хватает свое заржавленное ружье. Он поднимает его выше и выше. Затем нажимает курок.

Дым медленно рассеивается, смолкает грохот. Затихает далекое эхо в горах.

— Это опять вы, Пирадзе? — строго говорит Натэлла. — Так я и знала. Сколько это может продолжаться?! Я давно сказала,

что не буду вашей женой. Зачем вы это делаете? Зачем ежедневно стреляете в меня? Как-то раз вы уже отсидели пятнадцать суток за изнасилование. Вам этого мало, Арчил Луарсабович?

— Я стал другим человеком, Натэлла. Не веришь? Я в институт поступил. Более того, я — студент.

— В это трудно поверить.

— У меня есть тетради и книги. Есть учебник под названием „Химия”. Хочешь взглянуть?

— Взятку кому-нибудь дали?

— Представь себе, нет. Бесплатно являюсь студентом-заочником.

— Я рада за вас.

— Так вернись же, Натэлла. У тебя будет все — патефон, холодильник, корова. Мы будем путешествовать.

— На чем?

— На карусели.

— Не могу. При всем обаянии к вам.

— Я изменился! — воскликнул Пирадзе. — Учусь. Потом и градом мне все достается, Натэлла!

— Не могу. В Ленинграде, увы, ждет меня аспирант Рабинович Григорий, я дала ему слово.

— Я тоже выучусь на аспиранта. Прочту много книг. Можно сказать, я уже прочитал одну книгу.

— Как она называется?

— Она называется — повесть.

— И больше никак?

— Она называется — Серафимович!

— Лично я импонирую больше Толстому, — сказал Натэлла.

— Я прочту его книги. Пусть не волнуется.

— Тихо! — сказала Натэлла. — Вы слышите?

Из-за кустов доносились нежные слова:

Ты сказала мне — нет!

И по снегу, эх, по снегу ушла.

Был суров твой ответ,

Ночь в мученьях,

ах, в мученьях прошла...

По дороге медленно шел кинемеханик Гиго Зандукели с трофейной винтовкой. Тридцать шесть лет оружие пролежало в земле. Его деревянное ложе зацвело молодыми побегам. Из дула торчал георгин.

Завидев Натэлла с Пирадзе, Гиго остановился. Винтовку он теперь держал наперевес.

— Вы пришли, чтобы убить меня, Гиго Рафаэлевич? — спросила Натэлла.

— Есть маленько, — ответил Гиго.

— Все только и делают, что убивают меня. То вы, Арчил, то вы, Гиго! Лишь аспирант Рабинович Григорий тихо пишет свою диссертацию о каракатицах. Он —

настоящий мужчина. Я дала ему слово...

Тут вмешался Пирадзе:

— Кто дал тебе право, Гиго, убивать Бокучаву Натэллу?

— А кто дал это право тебе? — спросил Зандукели.

Одновременно прозвучали два выстрела.

Грохот, дым, раскатистое эхо. Затем — печальный и укоризненный голос Натэллы:

— Умоляю вас, не ссорьтесь. Будьте друзьями, Гиго и Арчил!

— И верно, — сказал Пирадзе, — зачем лишняя кровь? Не лучше ли распить бутылку доброго вина?!

— Пожалуй, — согласился Зандукели.

Пирадзе достал из кармана „маленькую“. Сорвал зубами жестяную крышку.

— Наполним бокалы! — сказал он.

Закинув голову, Пирадзе с удовольствием выпил. Передал бутылочку Гиго. Тот не заставил себя уговаривать.

— Жаль, нечем закусить, — сказал Арчил.

— У меня есть луковица, — обрадовался Зандукели, — держи. Я захватил ее на случай, если меня арестуют.

— Будь здоров, Рабинович Григорий! — сказали они, допивая...

Две недели так быстро промчались. Закончился отпуск. В нашем промышленном городе — тесно и сыро.

Завтра в одном ЦКБ инженер Бокучава

склонится над кульманом. Ее загорелыми руками будут любоваться молодые, а также немолодые сослуживцы.

Натэлла шла вдоль перрона. Остался, наконец, позади стук колес и запах вокзальной гари. Забыта насыпь, бегущая под окнами. Забыты темные избы. Забыты босонogie ребятишки, которые смотрели поезду вслед.

Девушка исчезла в толпе, а я упрямо шел за ней. Я шел, хотя давно уже потерял Бокучаву Натэллу из виду. Я шел, ибо принадлежу к великому сословию мужчин. Я знаю, что грубый, слепой, неопрятный, расчетливый, мнительный, толстый, циничный — буду идти до конца.

Я горжусь неотъемлемым правом смотреть тебе вслед. А улыбку твою я считаю удачей!

ЭМИГРАНТЫ

„Район Новая Голландия — один из живописных уголков Ленинграда...”
(Путеводитель)

Солнце вставало неохотно. Оно задевало фабричные трубы. Бросалось под колеса машин на холодный асфальт. Блуждало в зарослях телевизионных антенн.

В грязном маленьком сквере проснулись одновременно Чикваидзе и Шаповалов.

Ах, как славно попито было вчера! Как громко спето! Какие делались попытки танца! Как динамичен был замах протезом! Как интенсивно пролагались маршруты дружбы и трассы взоров! Как был хорош охваченный лезгинкой Чикваидзе! (Выскакивали гривенники из карманов, опровергая с легким звоном примат материи над духом.) И как они шатались ночью, поддерживая сильными боками дома, устои, фонари... И вот теперь проснулись на груде щебня...

Шаповалов и Чикваидзе порылись в складках запачканной мятой одежды. Был извлечен фрагмент копченой тюльки, перышко лука, заржавевший огрызок яблока. Друзья молча позавтракали.

Познакомились они недавно. Их сплотила драка около заведения шампанских вин. В тесноте поспориться недолго. Обувь летняя, мозоли на виду.

— Я тебя зарежу! — вскричал Чикваидзе. (Шаповалов отдал ему ногу.)

— Не тебя, а вас, — исправил Шаповалов.

Затем они долго боролись на тротуаре. И вдруг Чикваидзе сказал, ослабив пальцы на горле Шаповалова:

— Вспомнил, где я тебя видел. На премьерe Тарковского в Доме кино...

С тех пор они не расставались.

Дома обступили маленький сквер. Бледное солнце вставало у них за плечами. Остатки ночной темноты прятались среди мусорных баков.

Друзья поднялись и вышли на улицу, залитую робким апрельским солнцем.

— Где мы находимся? — обращаясь к первому встречному спросил Чикваидзе.

— В Новой Голландии, — спокойно ответил тот.

Качнулись дома. Запятнанные солнцем фасады косо поползли вверх. Мостовая, рванувшись из-под ног, скачками устремилась к горизонту.

— Ничего себе, — произнес Шаповалов, — хорошенькое дело! В Голландию с похмелья забрели!

— Беда, — отозвался Чикваидзе, — пропадем в незнакомой стране!

— Главное, — сказал Шаповалов, — не падать духом. Ну, выпили. Ну, перешли границу. Расскажем всё чистосердечно, может, и простят...

— Я хочу домой, — сказал Чикваидзе. — Я не могу жить без Грузии!

— Ты же в Грузии сроду не был.

— Зато я всю жизнь щи варил из „Боржоми”.

Друзья помолчали. Мимо с грохотом проносились трамваи. Тихо шептались поста-

ревшие за ночь газеты.

— Обрати внимание! — закричал Чикваидзе. — Вот изверги! Чернокожего повели линчевать!

И верно. По людной улице, возвышаясь над толпой, шел чернокожий. Его крепко держали под руки две стройные блондинки...

— Будем тайком на родину пробираться, — сказал Чикваидзе.

— Беднейшие слои помогут, — откликнулся Шаповалов.

Они перешли мост. Затем миновали аптеку и пестрый рынок.

— Противен мне берег турецкий, — задумчиво выводил Чикваидзе.

— И Африка мне ни к чему, — вторил ему Шаповалов.

Друзья шли по набережной. Свернули на людную улицу. Поблескивали витрины. Таяло мороженое. Улыбались женщины и светофоры.

— Посмотри, благодать-то какая! — неожиданно воскликнул Шаповалов.

— Живут неплохо, — поддакнул Чикваидзе.

— А как одеты!

— Ведь это — Запад!

— Кругом асфальт! Полно машин!

А солнце?!

— Еще бы! Тут за этим следят!

Возникла пауза. Ее нарушил Шаповалов:

— Датики, я хочу с тобой поговорить.

— И я.

— А ты презирать меня не будешь?

— Нет. А ты?

— Может быть, того... Ну, как его?..

Убежища попросим... Опять же, частная торговля...

— Ночные рестораны!

— Законы джунглей!

— Торжество бездуховности!

— Ковбойские фильмы!

— Моральное и нравственное разложение! — зажмурился Чикваидзе...

Через минуту друзья, обнявшись, шагали в сторону площади. Там, достав из кобуры горсть вермишели, завтракал блюститель порядка, расцветкою напоминавший снегиря.

ПОБЕДИТЕЛИ

Дело происходит в спортивном зале академии Можайского. Все мужчины здесь — широкоплечие. Манеж освещен четырьмя блоками люминесцентных светильников. На шершавом ковре топчутся финалисты чемпионата России. За центральным столиком — Жульверн Хачатурян, получивший на Олимпийских играх в Мельбурне кличку „Русский лев”...

Год назад Хачатурян поступал в универ-

ситет. Он был самым широкоплечим из абитуриентов.

Шел экзамен по русской литературе. Хачатурян всех спрашивал:

— Прости, что за вопрос тебе достался?

— Пушкин, — говорил один.

— Мне повезло, — восклицал Хачатурян, — именно этого я не учил!

— Лермонтов, — говорил второй.

— Повезло, — восклицал Хачатурян, — именно этого я не учил!

Наконец подошла его собственная очередь. Судья вытащил билет. Там было написано: „Гоголь”.

— Вай! — закричал Хачатурян. — Какая неудача! Ведь именно этого я как раз не учил!..

Впрочем, мы отвлеклись.

Информатор произнес в микрофон:

— Внимание! Финальные схватки продолжаются. В синем углу Аркадий Дысин из Челябинска! В красном — Олег Гарбузенко из Мелитополя!

Сейчас же на южной трибуне раздался звук пощечины. Как выяснилось, это были скромные аплодисменты.

Борцы пожали друг другу руки и начали возиться.

Каждый из них весил центнер. Каждому было за сорок. Оба ходили вразвалку, а борьбу ненавидели с детства.

Борцы трогали друг друга, хлопали по шее, кашляли и отдыхали, сомкнув жи-

воты.

— Пассивная борьба! — выкрикнул информатор. — Спортсменам делается замечание!

Однако Дысин и Гарбузенко не реагировали. Они стали бороться еще деликатнее. Оба знали свое дело. Оба помнили былые схватки. Бра руле, двойной нельсон, захват, подсечка... Жесткий брезентовый ковер неожиданно устремляется ввысь и хлопает тебя с чудовищным гневом по затылку...

— Синий не борется! — орали зрители. — Халтура! И красный не борется!..

Однако Дысин и Гарбузенко не реагировали. Борьбу они ненавидели, а зрителей презирали.

Вдруг что-то произошло. Возникло ощущение тревоги и беспокойства. Как будто остановились часы в международном аэропорту. Зрители и секунданты начали озираться. Борцы устало замерли, облокотившись друг на друга.

Все уставились на главного судью. Дело в том, что Жульверн Хачатурян безмятежно дремал, опустив голову на кипу судейских протоколов.

Хачатурян спал. Присутствующие не решались его будить. Рефери и боковые судьи ушли в шашлычную. Зрители читали газеты, вязали, штопали носки, распевали туристические песни.

— Если бы ты знал, как я ненавижу спорт, — произнес Аркадий Дысин, — гипер-

тония у меня.

— И у меня, — сказал Гарбузенко.

— Тоже гипертония?

— Нет, тоже радикулит. Плюс бессонница. Вечером ляжешь, утром проснешься, и затем — целый день без сна. То одно, то другое...

— Пора завязывать, старик!

— Давно пора...

— Прости, кто выиграл? — заинтересовался очнувшийся Жульверн Хачатурян.

— Какая разница, — ответил Гарбузенко.

Потом он сел на ковер и закурил.

— То есть как? — забеспокоился Хачатурян. — Ведь иностранцы наблюдают! „Расцвели яблони и груши...” — нежно пропел он в сторону западных корреспондентов.

— Поплыли туманы над рекой, — живо откликнулись корреспонденты Гарри Зонт и Билли Ард.

— Аркаша выиграл, — сказал Гарбузенко, — он красивый, пусть его и фотографируют.

— И ты ничего, — возразил Аркадий Дысин, — ты — смуглый.

— Короче, ты судья, Жульверн Арамович, ты и решай, — высказался Гарбузенко.

— Какой там судья, — покачал головой Хачатурян, — Бог вам судья, ребята.

— Идея! — сказал Дысин, вытащил монету, бросил ее на ковер.

— Орел! — закричал Гарбузенко.

Дысин задумался.

— Решка, — молвил он наконец.

Хачатурян шагнул вперед, придавил монету носком лакированного ботинка.

— Победила дружба! — торжественно выкрикнул он.

Зазвучали аплодисменты. Спортсмены покинули зал, вышли на улицу. Из-за угла, качнувшись, выехал троллейбус. Друзья поднялись в салон.

Три старушки деликатно уступили им места.

ЧИРКОВ И БЕРЕНДЕЕВ

К отставному полковнику Берендееву заявился дальний родственник Митя Чирков, выпускник сельскохозяйственного техникума.

— Дядя, — сказал он, — помогите! Окажите материальное содействие в качестве двенадцати рублей! Иначе, боюсь, пойду неверной дорогой!

— Один неверный шаг, — реагировал дядя, — ты уже сделал. Ибо просишь денег, которых у меня нет. Я же всего лишь полковник, а не генерал.

— Тогда, — сказал Чирков, — разрешите у вас неделю жить и хотя бы мимоходом питаться.

— И это утопия, — сказал культурный дядя, — взгляни! Видишь, как тесно у нас от импортной мебели? Где я тебя положу? Между рамами?

— Дядя, — возвысил голос захолустный родственник, — не причиняйте мне упадок слез! Я сутки не ел. Между прочим, от голода я совершенно теряю рассудок. А главное — сразу иду по неверной дороге.

— Дорогу осилит идущий, — не к месту сказал Берендеев.

— К тому же я мерзну. Прошлую зиму, будучи холодно, я не обладал вегоневых кальсон и шапки. Знаете, чем это кончилось? Я отморозил пальцы ног и уши головы!..

Воцарилась тягостная пауза.

Неожиданно племянник выговорил:

— Чуть не забыл. Я вам брянского самогона привез.

Берендеев приподнял веки. Он просветлел и затуманился. Так, словно вспомнил первую любовь, рабфак и будни осовавиа-хима. Затем недоверчиво произнес:

— Из буряка?

— Из буряка.

— Очищенный?

— Очищенный.

— Дважды?

— Трижды, дядя, трижды!

— Давай его сюда, — произнес Берендеев, — хочу взглянуть. Просто ради интереса.

Племянник расстегнул штаны и вытащил откуда-то сзади булькающую грелку.

Дядя принес из кухни макароны, напоминающие бельевые веревки. Достал из шкафа стаканы. Грелка, меня очертания, билась в его руках, как щука.

— Будем здоровы! — сказали они хором.

— Закусывай! — широко угощал дядя. — Соль бери, не жалей!

Они выпили снова, покраснелись, закурили.

Дядя разлил по третьей и сказал:

— Эх, Митька! Завидую я тебе! Годиков семь пройдет и не узнаешь ты родной деревни! Колхозные поля зальем асфальтом! Все пастбища кафелем облицуем! В каждом стойле будет телевизор! В каждой избе — стиральная машина! Еще Ленин велел стирать грань между райцентром и деревней...

— Это точно, — поддакивал Митя, — это без сомнения.

Он снял дождевик, повесил на гвоздик. Гвоздик оказался мухой и взлетел. Дождевик упал на пол.

— Чудеса, — сказал Митя.

Затем он тайком развязал шнурки на ботинках.

А дядя все не унимался:

— Коммунизм построим! Поголовную безграмотность ликвидируем! Кухарка будет управлять государством!..

— Это бы не худо, — кивал племянник.

— Есть, конечно, недовольные. Которые на службе у империалистов. Декаденты! Но их мало. Заметь, даже в русском алфави-

те согласных больше, чем несогласных...

— Еще бы, — соглашался племянник.

Они снова выпили.

Неожиданно дядя схватил Митю за руку и прошептал:

— Слышь, давай улетим!

— Это как же?! — растерялся племянник.

— Очень просто. Как Валентина Терешкова. Вдохнем полной грудью. Взглянем на мир широко раскрытыми глазами...

Дядя подошел к окну. Затем распахнул его и вылез на карниз. Митя последовал за ним. Под Митиными башмаками грохотало кровельное железо. Из-под ног его шархнулся голубь, царапая жесль. Пальцами он держался за раму, усеянную бугорками масляной краски.

— Поехали! — скомандовал Берендеев.

— Лечу-у, — отозвался Митя.

И вот герои летят над сонной Фонтанкой, огибают телевизионную башню, минуют пригороды. Позади остаются готические шпили Таллина, купола Ватикана, Эгейское море. Земля уменьшается до размеров стандартного школьного глобуса. От космической пыли слезятся глаза.

Внизу едва различимы горные хребты, океаны, лесные массивы. Тускло поблескивают районы вечной мерзлоты.

— Благодать-то какая! — восклицает полковник.

— Жаль только, выпивка осталась до-

ма, — откликается Митя.

Но дядя уже громко выкрикивает:

— Братский привет мужественному народу Вьетнама! Руки прочь от социалистической Кубы! Да здоровствует нерушимое единство стран-участников Варшавского блока!

— Бей жидов, спасай Россию! — откликается Митя...

Приземлились они в два часа ночи. Над дядиным подъездом желтела тусклая лампочка. Черный кот независимо прогуливался возле мусорных баков.

— Ну, прощай, — сказал Берендеев, вынимая ключи.

— То есть как это? — растерялся племянник. — Вы шутите! Вместе космос осваивали, а я теперь должен спать на газоне?!

— Здесь чисто, — ответил ему Берендеев, — и температура нормальная. Июль на дворе. Ну, прощай. Кланяйся русским березам!

Тяжелая, обитая коленкором дверь — захлопнулась.

Несколько минут Чирков простоял в оцепенении. Затем обхватил свою левую ногу. Вытащил зубами из подметки гвоздь, который целую неделю язвил его стопу. Нацарапал этим гвоздем около таблички с дядиной фамилией короткое всеобъемлющее ругательство. Потом глубоко вздохнул,

сатанински усмехнулся и зашагал неверной дорогой.

КОГДА-ТО МЫ ЖИЛИ В ГОРАХ

Когда-то мы жили в горах. Эти горы косматыми псами лежали у ног. Эти горы давно уже стали ручными, таская беспокойную кладь наших жилищ, наших войн, наших песен. Наши костры опалили им шерсть.

Когда-то мы жили в горах. Тучи овец покрывали цветущие склоны. Ручьи — стремительные, пенистые, белые, как нож и ярость — огибали тяжелые, мокрые валуны. Солнце плавилось на крепких армянских затылках. В кустах блуждали тени, пугая осторожных.

Шли годы, взвалив на плечи тяжесть расплавленного солнца, обмахиваясь местными журналами, замедляя шаги, чтобы купить эскимо. Шли годы...

Когда-то мы жили в горах. Теперь мы населяем кооперативы...

Вчера позвонил мой дядя Арменак:
— Приходи ко мне на день рождения.
Я родился — завтра. Не придешь — обижусь
и ударю...

К моему приходу гости были в сборе.

— Четыре года тебя не видел, — обрадовался дядя Арменак, — прямо соскучился!

— Одиннадцать лет тебя не видел, — подхватил дядя Ашот, — ужасно соскучился!

— Первый раз тебя вижу, — шагнул ко мне дядя Хорен, — безумно соскучился.

Тут все зарыдали, а я пошел на кухню. Мне хотелось обнять тетушку Сирануш.

Тридцать лет назад Арменак похитил ее из дома старого Беглара. Вот как было дело.

Арменак подъехал к дому Терматеузовых на рыжем скакуне. Там он прислонил скакуна к забору и воскликнул:

— Беглар Фомич! У меня есть дело к тебе!

Был звонкий июньский полдень. Беглар Фомич вышел на крыльцо и гневно спросил:

— Не собираешься ли ты похитить мою единственную дочь?

— Я не против, — согласился дядя.

— Кто ее тебе рекомендовал?

— Саркис рекомендовал.

— И ты решил ее украсть?

Дядя кивнул.

— Твердо решил?

— Твердо.

Старик хлопнул в ладоши. Немедленно появилась Сирануш Бегларовна Терматеузова. Она подняла лицо и в мире сразу же утвердилось ненастье ее темных глаз. Неудержимо хлынул ливень ее волос. Побож-

денное солнце отступило в заросли ежевики.

— Желаю вам счастья, — произнес Беглар, — не задерживайтесь. Погоню вышлю минут через сорок. Мои сыновья как раз вернутся из бани. Думаю, они захотят тебя убить.

— Естественно, — кивнул Арменак.

Он шагнул к забору. Но тут выяснилось, что скакун околел.

— Ничего, — сказал Беглар Фомич, — я дам тебе мой велосипед.

Арменак посадил заплаканную Сирануш на раму дорожного велосипеда. Затем сказал, обращаясь к Беглару:

— Хотелось бы, отец, чтобы погоня выглядела нормально. Пусть наденут чистые рубахи. Знаю я твоих сыновей. Не пришлось бы краснеть за этих ребят.

— Езжай и не беспокойся, — заверил старик, — погоню я организую.

— Мы ждем их в шашлычной на горе.

Арменак и Сирануш растворились в облаке пыли. Через полчаса они сидели в шашлычной.

Еще через полчаса распахнулись двери и ворвались братья Терматеузовы. Они были в темных костюмах и чистых сорочках. Косматые папахи дымились на их беспутных головах. От бешеных криков на стенах возникали подпалины.

— О, шакал! — крикнул старший, Арам. — Ты похитил нашу единственную сестру! Ты умрешь! Эй, кто там поближе, убейте его!

— Проклятье, — гассируя сказал младший, Леван, — извините меня. Я оставил наше гужье в багажнике такси.

— Хорошо, что я записал номер машины, — успокоил средний, Гиго.

— Но мы любим друг друга! — воскликнула Сирануш.

— Вот как? — удивился Арам. — Это меняет дело.

— Тем более, что ружье мы потеряли, — добавил Гиго.

— Можно и пгидушить, — сказал Леван.

— Лучше выпьем, — миролюбиво предложил Арменак...

С тех пор они не разлучались...

Я обнял тетушку и спросил:

— Как здоровье?

— Хвораю, — ответила тетушка Сирануш. — Надо бы в поликлинику заглянуть.

— Ты загляни в собственный паспорт, — отозвался грубиян Арменак. И добавил: — Там все написано...

Между тем гости уселись за стол. В центре мерцало хоккейное поле студня. Алою розой цвела ветчина. Замысловатый узор винегрета опровергал геометрическую простоту сыров и масел. Напластования колбас внушали мысль об их зловещей предыстории. Доспехи селедок тускло отражали лучи немецких бра.

Дядя Хорен поднял бокал. Все затихли.

— Я рад, что мы вместе, — сказал он, — это прекрасно! Армянам давно уже пора сплотиться. Конечно, все народы равны. И белые, и желтые, и краснокожие... И эти... Как их? Ну? Помесь белого с негром?

— Мулы, мулы, — подсказал грамотей Ашот.

— Да, и мулы, — продолжал Хорен, — и мулы. И все-таки армяне — особый народ! Если мы сплотимся, все будут уважать нас, даже грузины. Так выпьем же за нашу родину! За наши горы!..

Дядя Хорен прожил трудную жизнь. До войны он где-то заведовал снабжением. Потом обнаружилась растрата — миллион.

Суд продолжался месяц.

— Вы приговорены, — торжественно огласил судья, — к исключительной мере наказания — расстрелу!

— Вай! — закричал дядя Хорен и упал на пол.

— Извините, — улыбнулся судья, — я пошутил. Десять суток условно...

Старая, дядя Хорен любил рассказывать, как он пострадал в тяжелые годы ежовщины...

За столом было шумно. Винные пятна уподобляли скатерть географической карте. Оползни тарелок грозили катастрофой.

В дрожащих руинах студня белели окурки.

Дядя Ашот поднял бокал и воскликнул:

— Выпьем за нашего отца! Помните, какой это был мудрый человек?! Помните, как он бил нас вожжами?!..

Вдруг дядя Арменак хлопнул себя по животу. Затем он лягнул ногой полированный сервант. Начались танцы!

Дядя Хорен повернулся ко мне и сказал:

— Мало водки. Ты самый юный. Иди в гастроном.

— А далеко? — спрашиваю.

— Туда — два квартала и обратно — примерно столько же.

Я вышел на улицу, оставляя за спиной раскаты хорового пения и танцевальный гул. Ощущение было такое, словно двести человек разом примеряют галоши...

Через пятнадцать минут я вернулся. К дядиному жилищу съезжались пожарные машины. На балконах стояли любопытные.

Из окон четвертого этажа шел дым, растворяясь в голубом пространстве неба.

Распахнулась парадная дверь. Милиционеры вывели под руки дядю Арменака.

Заметив меня, дядя оживился.

— Армянам давно пора сплотиться! — воскликнул дядя.

И шагнул в мою сторону.

Но милиционеры крепко держали его. Они вели моего дядю к автомобилю с решетками на окнах. Дверца захлопнулась. Машина скрылась за поворотом...

Тетушка Сирануш рассказала мне, что произошло. Оказывается, дядя предложил развести костер и зажарить шашлык.

— Ты изгадишь паркет, — остановила его Сирануш.

— У меня есть в портфеле немного кровельного железа, — сказал дядя Хорен.

— Неси его сюда, — приказал мой дядя, оглядывая финский гарнитур...

Когда-то мы жили в горах. Они бродили табунами вдоль южных границ России. Мы приучили их к неволе, к ярму. Мы не разлюбили их. Но эта любовь осталась только в песнях.

Когда-то мы были чернее. Целыми днями валялись мы на берегу Севана. А увидев красивую девушку, писали щепкой на животе слова любви.

Когда-то мы скакали верхом. А сейчас плещемся в троллейбусных заводах. И спим на ходу.

Когда-то мы спускались в погреб. А сейчас бежим в гастроном.

Мы предпочли горам — крутые склоны
новостроек.

Мы обижаем жен и разводим костры
на паркете.

НО КОГДА-ТО МЫ ЖИЛИ В ГОРАХ!

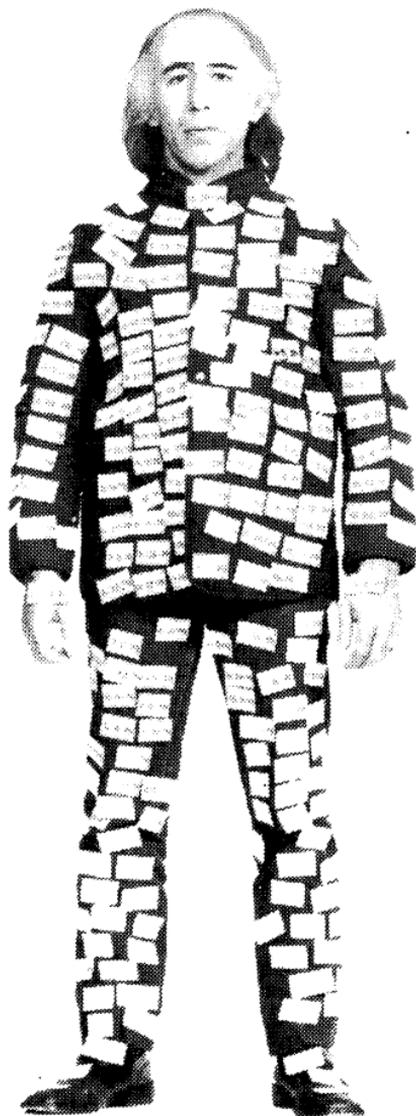

ВАГРИЧ БАХЧАНЫН

САНКТ-АГИТПУНКТ

ТРОФЕЙНАЯ ВЫСТАВКА ДОСТИЖЕНИЙ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

ОТРЫВНОЙ БАХЧАНЫН-КАЛЕНДАРЬ

Секретари обкомов партии, на первый-второй
рассчитайсь!

Вся власть — сонетам!

Мертворожденный ползать и летать не может!

Дурная слава КПСС!

Как повяжешь галстук, береги его, он ведь
с красной рыбой цвета одного!

Бейлис умер, но дело его живет!

Всеми правдами и неправдами жить не по лжи!

Бумажник — оружие пролетариата!

От великого до смешного один шаг вперед,
два шага назад!

Пусть крепнет дружба между нар... (не окончено)

Агония, пли!

Дышите на ладан как можно глубже!

Лучше умереть стоя, чем жить с кем-нибудь
на коленях!

Почетный ка-ра-у-у-ул!

Бей баклуши — спасай Россию!

И на нашей улице будут будни!

Этот безумный, безумный, безумный мир победит
войну!

Язык мой – враг мой руки перед едой!

Искусство принадлежит народу и требует жертв!

Но Мопассан!

Я волком бы выгрыз только за то, что им
разговаривал Ленин!

Храните тайну в сберегательной кассе!

Монархия – мать порядка!

Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью!

СООН

Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
Украинская Советская Социалистическая Республика
Белорусская Советская Социалистическая Республика
Казахская Советская Социалистическая Республика
Грузинская Советская Социалистическая Республика
Узбекская Советская Социалистическая Республика
Латвийская Советская Социалистическая Республика
Киргизская Советская Социалистическая Республика
Азербайджанская Советская Социалистическая Республика
Туркменская Советская Социалистическая Республика
Литовская Советская Социалистическая Республика
Молдавская Советская Социалистическая Республика
Таджикская Советская Социалистическая Республика
Армянская Советская Социалистическая Республика
Эстонская Советская Социалистическая Республика
Чехословацкая Советская Социалистическая Республика
Польская Советская Социалистическая Республика

Болгарская Советская Социалистическая Республика
Румынская Советская Социалистическая Республика
Венгерская Советская Социалистическая Республика
Германская Советская Социалистическая Республика
Монгольская Советская Социалистическая Республика
Вьетнамская Советская Социалистическая Республика
Китайская Советская Социалистическая Республика
Албанская Советская Социалистическая Республика
Корейская Советская Социалистическая Республика
Югославская Советская Социалистическая Республика
Кубинская Советская Социалистическая Республика
Финляндская Советская Социалистическая Республика
Шведская Советская Социалистическая Республика
Норвежская Советская Социалистическая Республика
Датская Советская Социалистическая Республика
Великобританская Советская Социалистическая Республика
Ирландская Советская Социалистическая Республика
Исландская Советская Социалистическая Республика
Нидерландская Советская Социалистическая Республика
Бельгийская Советская Социалистическая Республика
Французская Советская Социалистическая Республика
Австрийская Советская Социалистическая Республика
Швейцарская Советская Социалистическая Республика
Итальянская Советская Социалистическая Республика
Испанская Советская Социалистическая Республика
Португальская Советская Социалистическая Республика
Греческая Советская Социалистическая Республика
Турецкая Советская Социалистическая Республика
Сирийская Советская Социалистическая Республика
Иракская Советская Социалистическая Республика
Израильская Советская Социалистическая Республика
Иорданская Советская Социалистическая Республика
Йеменская Советская Социалистическая Республика
Советская Социалистическая Республика Саудовская Аравия
Оманская Советская Социалистическая Республика
Иранская Советская Социалистическая Республика
Ливанская Советская Социалистическая Республика
Афганистанская Советская Социалистическая Республика
Пакистанская Советская Социалистическая Республика
Индийская Советская Социалистическая Республика
Непальская Советская Социалистическая Республика
Тибетская Советская Социалистическая Республика
Бирманская Советская Социалистическая Республика
Таиландская Советская Социалистическая Республика
Камбоджийская Советская Социалистическая Республика
Японская Советская Социалистическая Республика
Филиппинская Советская Социалистическая Республика
Австралийская Советская Социалистическая Республика
Цейлонская Советская Социалистическая Республика
Индонезийская Советская Социалистическая Республика
Советская Социалистическая Республика Новая Зеландия
Канадская Советская Социалистическая Республика
Советская Социалистическая Республика Соединенные Штаты Америки
Мексиканская Советская Социалистическая Республика

Ванесульская Советская Социалистическая Республика
Колумбийская Советская Социалистическая Республика
Эквадорская Советская Социалистическая Республика
Перуанская Советская Социалистическая Республика
Бразильская Советская Социалистическая Республика
Боливийская Советская Социалистическая Республика
Парагвайская Советская Социалистическая Республика
Чилийская Советская Социалистическая Республика
Аргентинская Советская Социалистическая Республика
Уругвайская Советская Социалистическая Республика
Гондурасская Советская Социалистическая Республика
Никарагуанская Советская Социалистическая Республика
Костарикская Советская Социалистическая Республика
Панамская Советская Социалистическая Республика
Сальвадорская Советская Социалистическая Республика
Гватемальская Советская Социалистическая Республика
Ямайкская Советская Социалистическая Республика
Гаитянская Советская Социалистическая Республика
Доминиканская Советская Социалистическая Республика
Суринамская Советская Социалистическая Республика
Лаосская Советская Социалистическая Республика
Малайская Советская Социалистическая Республика
Советская Социалистическая Республика Новая Гвинея
Мадагаскарская Советская Социалистическая Республика
Южно-Африканская Советская Социалистическая Республика
Базутолендская Советская Социалистическая Республика
Свазилендская Советская Социалистическая Республика
Бечуаналендская Советская Социалистическая Республика
Советская Социалистическая Республика Южная Родезия
Мозамбикская Советская Социалистическая Республика
Замбийская Советская Социалистическая Республика
Ангольская Советская Социалистическая Республика
Малавийская Советская Социалистическая Республика
Танзанийская Советская Социалистическая Республика
Советская Социалистическая Республика Конго
Угандийская Советская Социалистическая Республика
Кенийская Советская Социалистическая Республика
Советская Социалистическая Республика Сомали
Египетская Советская Социалистическая Республика
Нигерийская Советская Социалистическая Республика
Ганская Советская Социалистическая Республика
Советская Социалистическая Республика Верхняя Вольта
Либерийская Советская Социалистическая Республика
Сьерра-Леонская Советская Социалистическая Республика
Гвинейская Советская Социалистическая Республика
Мавританская Советская Социалистическая Республика
Советская Социалистическая Республика Мали
Алжирская Советская Социалистическая Республика
Марокканская Советская Социалистическая Республика
Тунисская Советская Социалистическая Республика
Ливийская Советская Социалистическая Республика
Советская Социалистическая Республика Чад
и другие

ВСЯКОЕ

Поговорка, вышитая бисером на свиной шкуре . . .	1
Встроенный в стены потолок	1
Бурят в стакане воды	1
Туалетная бумага для рисования	2 рулона
Ружье с оптическим обманом	1
Волосы, зачесанные на зад	16000000
Знак безразличия	1
Горькая чаша весов	1
Брачный союз советских социалистических республик	1
Наносная земля обетованная	1
Древко жизни	1
Ловелас с большим стажем (до колен)	1
Прыгун в ширину	1
Длиннорукий осел	1
Крейсер „Ореро“	1
Танец с сабрами	1
Мешки с углем под глазами	2
Вампир-полукровка	1
Вечнозеленое растение-однодневка	1
Сокращенный до нуля рабочий день	364
Приспущенные брюки	1

Промежуток между двумя антрактами	1
Искусственный карандаш	1
Дурная слава КПСС	1
Гордиев санузел	1
Дамская кобминация из трех пальцев	1
Обед из трех букв	1
Гробовая доска почета	1
Швейная машина времени	1
Узбекский доллар	1
Драматург с именем, но без отчества и фамилии	12008
Папа римский	1
Родина-мать	1
Сын полка	1
Бледный, как смерть, негр	1
Лилипутище	1
Кремль-брюле	1 порция
Членораздельная речь венеролога (стенограмма)	1
Палата курдов	1
Медный всадник без головы	1
Картофельный лимонад	20 бутылок
Широкополовая шляпа	1
Остров, окруженный сушей	1
Песочные часы с боем	1
Хлеб с солью (английской)	1 комплект
Дальтоник, позеленевший от стыда	1
Картина „Затруханый Тухачевский в Туруханске“	1
Скульптура „Буденный верхом на Коневе“	1
Коллаж „Утро нашей родины в сосновом бору“	1

Итого: 16012439 штук

АМЕРИКАНСКИЕ ВАРИАНТЫ

1. отец белый
мать белая
ребенок белый
2. отец черный
мать черная
ребенок черный
3. отец белый
мать черная
ребенок белый
4. отец белый
мать черная
ребенок черный
5. отец черный
мать белая
ребенок белый
6. отец черный
мать белая
ребенок черный
7. отец белый
мать белая
ребенок черный
8. отец черный
мать черная
ребенок белый

ЧЕЛОВЕК

Человек был
молодой,
здоровый,
сильный,
крепкий,
жизнерадостный,
бодрый,
энергичный,
деятельный,
увлекающийся,
трудолюбивый,
деятельный,
образованный,
умный,
остроумный,
смышлennyй,
благородный,
прекрасный,
хороший,
добрый,
честный,
искренний,

открытый,
скромный,
одухотворенный,
солидный,
музыкальный,
экономный,
бескорыстный,
самоотверженный,
неутомимый,
общительный,
гостеприимный,
галантный,
щедрый,
свободомыслящий,
благовоспитанный,
порядочный,
ограниченный,
наивный,
глуповатый,
неряшливый,
неотесанный,
мелочный,
льстивый,
ничтожный,
незначительный,
уродливый,
злой,
подлый,
трусливый,
жестокий,
коварный,
хитрый,
мстительный,
старый.

АМЕРИКАНСКАЯ ТАБЛИЦА УМНОЖЕНИЯ

$$2 \times 0 = \$0$$

$$2 \times 1 = \$2$$

$$2 \times 2 = \$4$$

$$2 \times 3 = \$6$$

$$2 \times 4 = \$8$$

$$2 \times 5 = \$10$$

$$2 \times 6 = \$12$$

$$2 \times 7 = \$14$$

$$2 \times 8 = \$16$$

$$2 \times 9 = \$18$$

Посвящается Лизл Уйвари

На столе лежит ручка.

На столе лежит шариковая ручка.

На старом столе лежит шариковая ручка.

На старом дубовом столе лежит шариковая ручка.

На старом дубовом столе лежит трехцветная шариковая ручка, принадлежащая мне, а не кому-нибудь другому, и я могу писать все что захочу. Могу написать слово „на“ или „старом“, или „дубовом“, или „стол“, или „лежит“, или „трехцветная“, или „шариковая“, или „ручка“.

А могу написать целое предложение: „На старом дубовом столе лежит трехцветная шариковая ручка“, или такое предложение: „на старом дубовом столе лежит трехцветная шариковая ручка, принадлежащая мне, а не кому-нибудь другому, и я могу писать все, что захочу“.

ЭДУАРД МАНЭ

ЭТО Я — ЭДИЧКА

Издательство «ПОНТ» предлагает:

КРЕЙЗИ ЭДДИ

ЭТО Я — ЭДИЧКА

ЭДВАРД КЕННЕДИ

ЭТО Я — ЭДИЧКА

На складах издательства «Понт» также имеются:

- Эдуард Асадов
- Эдуард Малюфеев
- Эдита Пьеа
- Эдуард Тополь

ЭТО Я — ЭДИЧКА
 ЭТО Я — ЭДИЧКА
 ЭТО Я — ЭДИЧКА
 ЭТО Я — ЭДИЧКА

- Эдуард Кузнецов
- Эдуард Нахамкин
- Эдуард Стрельцов
- Эдуард Штейн

ЭТО Я — ЭДИЧКА
 ЭТО Я — ЭДИЧКА
 ЭТО Я — ЭДИЧКА
 ЭТО Я — ЭДИЧКА

ЭДВАРД КОЧ

ЭТО Я — ЭДИЧКА

БЕРЕМЕННЫЕ СЛОВА

ди**ко**браз

жур**на**л

теле**в**изор

де**мо**нстрация

ду**ра**к

полу**к**руг

по**ме**стье

ра**ди**о

са**му**рай

авто**по**ртрет

авто**с**трада

у**кр**отитель

идаль**го**

зуб**о**тычина

ко**пы**то

индуст**р**ия

рель**с**

тепл**о**воз

ри**со**вание

хамел**ле**он

балет**о**ман

е**пи**скоп

жа**во**ронок

по**ми**нание

св**об**ода

скатер**ь**

скот**и**на

кру**го**ворот

со**ко**л

ред**ис**ка

стomat**о**лог

рейт**у**зы

форель

чере**па**ха

хи**ба**ра

ко**ло**бок

лизо**б**люд

аэро**с**тат

аллиг**а**тор

агро**би**ология

аэродинамика
лесоруб
шезлонг
куколка
крысолов
эмиграция
эскалатор
юмореска
иллюстрация
краснобай
котельная
комсомол
скумбрия
смельчак
литография
декольте
иволга
кооператив
целомудрие
чемодан
таракан

урожай
скворец
трикотаж
чепуха
чернорабочий
листопад
коневодство
руководитель
чернослив
синтаксис
трудодень
карабин
эскулап
чистильщик
молоток
котелок
женщина
сеledка
туловище
хитросплетение
крестосец

СВОИ В ДОСКУ ОБЪЯВЛЕНИЯ

Продаются мемуары Ивана Поддубного „Моя борьба“ на немецком языке.

Спасибо товарищу Рэйгану за нашу счастливую старость.

(Группа пенсионеров)

Куплю картофель в мундире

(Генерал Григоренко)

Куплю галстук

(Юлиус Фучик)

Куплю кота в мешке

(Шарль Перро)

меняю шиллера на миллера

Продам папу

(Павлик Морозов)

Зайду на огонек

(Герострат)

Во всех науках знаю толк

(Большой ученый)

Срочно нужен кирпич

(Морда)

Изменю родине с матерью

(Эдип)

СДАЕТСЯ АРМИЯ

Подрочу на скорую руку.

(Алешковский)

Ищу человека

(Людоед)

Сыграю в ящик

(Пандора)

Поцелую за небольшое вознаграждение.

(Иуда)

Даю уроки эзопова языка

Стучать три раза

Куплю книжку „Корабль дураков“

(Ной)

Сниму шапку

(Мономах)

На ПОЛ не плевать.

(Фрейд)

ПАЯЮ СРОКИ,
ТОЧУ ЛЯСЫ,
ЧИНЮ ПРЕПЯТСТВИЯ

БАНЕ
ТРЕБУЮТСЯ ЛЮДИ
С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ

Ищу приключений на свою жопу

(Лимонов)

Наступлю на горло собственной песне

(Эмиль Горовец)

ВСТУПЛЮ В ПАРТИЮ.
ВОЗМОЖНЫ ВАРИАНТЫ.

Осторожно, во дворе злая собака

(Баскервиль)

...груши околачиваю

(Мичурин)

Переливаю из пустого в порожнее

(Торричелли)

Сожгли враги родную МХАТу

(Станиславский и Немирович-Данченко)

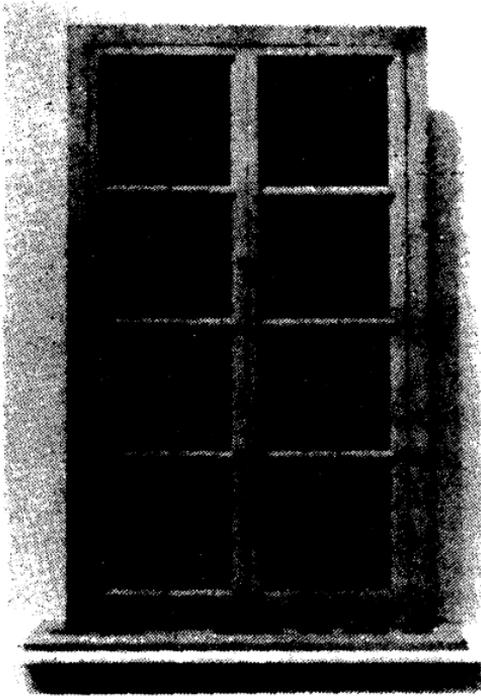
ЗАГАДКИ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ

**Под потолком подчас висит
И многим людям свет дарит.**

**Играют им волейболисты,
Его пинают футболисты,
Он очень нужен
в баскетболе,
Причем не меньше,
чем в гандболе.**

**Оно прозрачно, как стекло,
Им застеклим свое окно.**

Стекланный кругленький
сосуд,
Быть может, чай в него
нальют.

Из фетра сделана она
И голове зимой нужна.

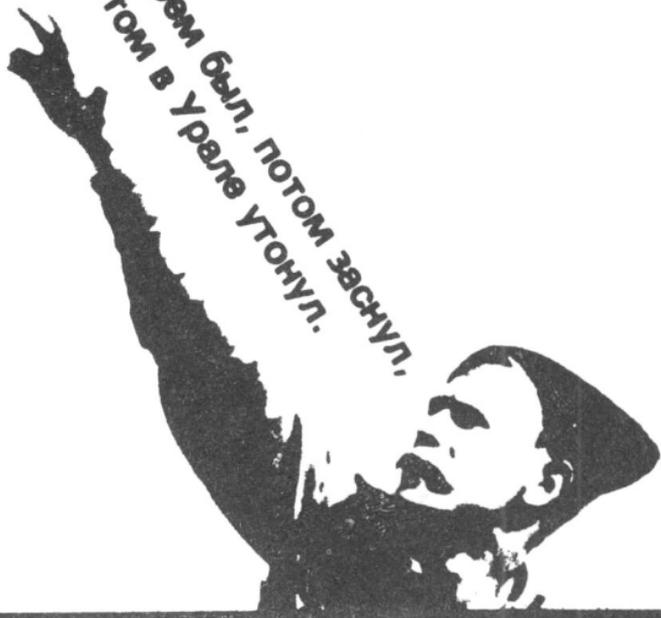
Мы ими ходим по земле,
У всех людей их ровно две.

На

Красной площади стоит,

В нем кое-кто в гробу лежит

Героем был, потом заснул,
Потом в Урале утонул.

В ГРИМЕ ХАРМСА

Я всегда любил рассказы Даниила Хармса. Мне всегда хотелось стать его соавтором. Но, увы, Хармс погиб в год моего рождения. Тогда я взял его рассказы, оставил все, как было, лишь изменил фамилии героев. В результате получилась серия дружеских шаржей на известных деятелей эмиграции.

В. Б.

ЧТО ТЕПЕРЬ ПРОДАЮТ В МАГАЗИНАХ

Борис Филиппов пришел к Глебу Струве и не застал его дома.

А Струве в это время был в магазине и покупал там сахар, мясо и огурцы.

Филиппов потолкался возле дверей Струве и собрался уже писать записку, вдруг смотрит, идет сам Струве и несет в руках клеенчатую кошелку.

Филиппов увидел Струве и кричит ему:

— А я вас уже целый час жду!

— Неправда, — говорит Струве, — я всего двадцать пять минут как из дома.

— Ну, уж этого я не знаю, — сказал Филиппов, — а только я тут уже целый час.

— Не врите, — сказал Струве. — Стыдно врать.

— Милостивейший государь! — сказал Филиппов. — Потрудитесь выбирать выражения.

— Я считаю... — начал было Струве.

Но его перебил Филиппов:

— Если вы считаете... — сказал он.

Но тут Филиппова перебил Струве и сказал:

— Сам-то ты хорош!

Эти слова так взбесили Филиппова, что он нажал пальцем одну ноздрю, а другой ноздрей сморкнулся в Струве.

Тогда Струве выхватил из кошелки большой огурец и ударил им Филиппова по голове.

Филиппов схватился руками за голову, упал и умер.

Вот какие большие огурцы продают теперь в магазинах.

ИСТОРИЯ ДЕРУЩИХСЯ

Джек Яблоков подмял под себя Петра Ярему и, набив ему морду, отпустил его.

Петр Ярема, бледный от бешенства, кинулся на Джека Яблокова и ударил его по зубам. Джек Яблоков, не ожидая такого быстрого нападения, повалился на пол, а Петр Ярема сел на него верхом, вынул у себя изо рта вставную челюсть и так обработал ею Джека Яблокова, что Джек Яблоков поднялся с полу с совершенно искалеченным лицом и рваной ноздрей. Держась руками за лицо, Джек Яблоков убежал.

А Петр Ярема протер свою вставную челюсть, вставил ее себе в рот, пощелкал зубами и, убедившись, что челюсть пришлась на место, осмотрелся вокруг и, не видя Джека Яблокова, пошел его разыскивать.

БАСНЯ

Сергей Довлатов сказал: „Я согласен на все, только бы быть хоть капельку повыше“.

Только он это сказал, как смотрит — стоит перед ним волшебница.

— Чего ты хочешь? — спрашивает волшебница.

А Сергей Довлатов стоит и от страха ничего сказать не может.

— Ну? — говорит волшебница.

А Сергей Довлатов стоит и молчит.

Волшебница исчезла.

Тут Сергей Довлатов начал плакать и кусать себе ногти. Сначала на руках все ногти сгрыз, а потом на ногах.

Читатель, вдумайся в эту басню, и тебе станет не по себе.

СЛУЧАЙ С НАУМОМ КОРЖАВИНЫМ

Вот однажды Коржавин хотел лечь спать, да лег мимо кровати. Так он об пол ударился, что лежит на полу и встать не может.

Вот Коржавин собрал последние силы и встал на четвереньки. А силы его покинули, и он опять упал на живот и лежит.

Лежал Коржавин на полу часов пять. Сначала просто так лежал, а потом заснул.

Сон подкрепил силы Коржавина. Он проснулся совершенно здоровым, встал, прошелся по комнате и лег осторожно на кровать. „Ну, — думает, — теперь посплю“. А спать-то уже не хочется. Ворочается Коржавин с боку на бок и никак заснуть не может.

Вот, собственно, и все.

ВСТРЕЧА

Вот однажды Барышников пошел на службу, да на пороге встретил Чалидзе, который, купив польский батон, направлялся к себе восвояси.

Вот, собственно, и все.

АНЕКДОТЫ ИЗ ЖИЗНИ БРОДСКОГО

1. Бродский всегда был поэтом и все что-то писал. Однажды Алешковский застал его за писанием и громко воскликнул:

— Да никак ты писака!

С тех пор Бродский очень полюбил Алешковского и стал называть его по-приятельски просто Алешкой.

2. Как известно, у Бродского никогда не росла борода. Бродский очень этим мучился и всегда завидовал Солженицыну, у которого, наоборот, борода росла вполне прилично. „У него растет, а у меня не растет“, — частенько говаривал Бродский, показывая ногтями на Солженицына. И всегда был прав.

3. Однажды Халиф сломал свои часы и послал за Бродским. Бродский пришел, осмотрел часы Халифа и положил их обратно на стул. „Что скажешь, брат Бродский?“ — спросил Халиф. „Стоп машина“, — сказал Бродский.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Андрей Кленов ел клюкву, стараясь не морщиться. Он ждал, что все скажут: какая сила характера! Но никто не сказал ничего.

Было слышно, как собака обнюхивала дверь. Виктор Урин зажал в кулаке зубную щетку и таращил глаза, чтобы лучше слышать. „Если собака войдет, — подумал Виктор Урин, — я ударю ее этой костяной ручкой прямо в висок!“

...Из коробки вышли какие-то пузыри. Василий Аксенов на цыпочках удалился из комнаты и тихо прикрыл за собою дверь. „Черт с ней! — сказал себе Василий Аксенов. — Меня не касается, что в ней лежит. В самом деле! Черт с ней!“

ОПТИЧЕСКИЙ ОБМАН

Андрей Седых, надев очки, смотрит на сосну и видит: на сосне сидит Лимонов и показывает ему кулак.

Андрей Седых, сняв очки, смотрит на сосну и видит, что на сосне никто не сидит.

Андрей Седых, надев очки, смотрит на сосну и опять видит, что на сосне сидит Лимонов и пока-

зывает ему кулак.

Андрей Седых, сняв очки, опять видит, что на сосне никто не сидит.

Андрей Седых, опять надев очки, смотрит на сосну и опять видит, что на сосне сидит Лимонов и показывает ему кулак.

Андрей Седых не желает верить в это явление и считает это явление оптическим обманом.

ПЬЕСА

Максимов (стоя посредине сцены): У меня сбежала жена. Ну что же тут поделаешь? Все равно, коли сбежала, так уж не вернешь. Надо быть философом и мудро воспринимать всякое событие. Счастлив тот, кто обладает мудростью. Вот Буковский этой мудростью не обладает, а я обладаю. Я в публичной библиотеке два раза книгу читал. Очень умно там обо всем было написано.

Я всем интересуюсь, даже языками. Я знаю по-французски считать и знаю, как по-немецки живот. Дер маген. Вот как! Со мной даже художник Целков дружит. Мы с ним вместе пьем. А Буковский что? Даже на часы смотреть не умеет. В пальцы сморкается, рыбу вилок ест, спит в сапогах, зубов не чистит... тьфу! Что называется — мужик! Ведь с ним покажись в обществе: вышибут вон, да еще и матом покроют — не ходи, мол, с мужиком, коли сам интеллигент.

Ко мне не подкопаешься. Давай графа — поговорю с графом. Давай барона — и с бароном поговорю. Сразу даже не поймешь, кто я такой есть.

Немецкий язык, это я, верно, плохо знаю, хотя знаю: живот — дер маген. А вот скажут мне: „Дер маген финдель мун“, — а я уже и не знаю, чего это такое. А Буковский, тот и „дер маген“ не знает. И вот с таким дурнем убежала! Ей, видите ли, вон чего надо! Меня она, видите ли, за мужчину не считает. „У тебя, — говорит, — голос бабий!“ Ан и не бабий, а детский у меня голос! Тонкий, детский, а вовсе не бабий! Дура! Дура такая! Чего ей Буковский дался? Художник Целков говорит, что с меня садись да картину пиши.

СУД ЛИНЧА

Эрнст Неизвестный садится на коня и говорит, обращаясь к толпе, речь о том, что будет, если на месте, где находится общественный сад, будет построен американский небоскреб. Толпа слушает и, видимо, соглашается. Неизвестный записывает что-то у себя в записной книжечке. Из толпы выделяется Глезер и спрашивает Неизвестного, что он записал у себя в записной книжечке. Неизвестный отвечает, что это касается только его самого. Глезер наседает. Слово за слово и начинается распря. Толпа принимает сторону Глезера, и Неизвестный, спасая свою жизнь, погоняет коня и скрывается за поворотом. Толпа волнуется и за неимением другой жертвы хватает Глезера и отрывает ему голову. Оторванная голова катится по мостовой и застревает в люке для водостока. Толпа, удовлетворив свои страсти, расходится.

КОМАР И МЕЛАМИД

Меламид: Эй, Комар! Давай ловить комаров!

Комар: Нет, я к этому еще не готов. Давай лучше ловить котов!

КРИТИК ЗАВАЛИШИН

Жил-был критик. Звали его Завалишин. Однажды вышел он из дому и пошел в лавочку купить столярного клея.

Была оттепель, и на улице было очень скользко.

Критик прошел несколько шагов, поскользнулся, упал и расшиб себе лоб.

— Эх! — сказал критик, встал, пошел в аптеку, купил пластырь и заклеил себе лоб.

Но когда он вышел на улицу и сделал несколько шагов, он опять поскользнулся, упал и расшиб себе нос.

— Фу! — сказал критик, пошел в аптеку, купил пластырь и заклеил пластырем себе нос.

Потом он опять вышел на улицу, опять поскользнулся, упал и расшиб себе щеку.

Пришлось опять пойти в аптеку и заклеить пластырем щеку.

— Вот что, — сказал критику аптекарь, — вы так часто падаете и расшибаетесь, что я советую вам купить пластырей несколько штук.

— Нет, — сказал критик, — больше не упаду!

Но когда он вышел на улицу, то опять поскользнулся, упал и расшиб себе подбородок.

— Паршивая гололедица! — закричал критик

и опять побежал в аптеку.

— Ну вот видите, — сказал аптекарь. — Вот вы опять упали.

— Нет! — закричал критик. — Ничего и слышать не хочу! Давайте скорее пластырь!

Аптекарь дал пластырь, критик заклеил себе подбородок и побежал домой.

А дома его не узнали и не пустили в квартиру.

— Я критик Завалишин! — кричал критик.

— Рассказывай! — отвечали из квартиры и заперли дверь на крюк и на цепочку.

Критик Завалишин постоял на лестнице, плюнул и пошел на улицу.

ШОСТАКОВИЧ И РОСТРОПОВИЧ

РОСТРОПОВИЧ (падает из-за кулис на сцену и смиренно лежит).

ШОСТАКОВИЧ (выходит, спотыкается об Ростроповича и падает): Вот черт! Никак об Ростроповича!

РОСТРОПОВИЧ (поднимаясь): Мерзопакость какая! Отдохнуть не дадут. (Идет, спотыкается об Шостаковича и падает). Никак об Шостаковича спотыкнулся!

ШОСТАКОВИЧ (поднимаясь): Ни минуты покоя! (Идет, спотыкается об Ростроповича и падает) Вот черт! Никак опять об Ростроповича!

РОСТРОПОВИЧ (поднимаясь): Вечно во всем помеха! (Идет, спотыкается об Шостаковича и падает). Вот мерзопакость! Опять об Шостаковича!

ШОСТАКОВИЧ (поднимаясь): Хулиганство! Сплошное хулиганство! (Идет, спотыкается об

Ростроповича и падает.) Вот черт! Опять об Ростроповича!

РОСТРОПОВИЧ (поднимаясь) : Это издевательство сплошное! (Идет, спотыкается об Шостаковича и падает) . Опять об Шостаковича!

ШОСТАКОВИЧ (поднимаясь) : Вот черт! Истинно, что черт! (Идет, спотыкается об Ростроповича и падает) . Об Ростроповича!

РОСТРОПОВИЧ (поднимается) : Мерзопакость! (Идет, спотыкается об Шостаковича и падает) . Об Шостаковича!

ШОСТАКОВИЧ (поднимаясь) : Вот черт! (Идет, спотыкается об Ростроповича и падает за кулисы) . Об Ростроповича!

РОСТРОПОВИЧ (поднимаясь) : Мерзопакость! (Уходит за кулисы)

За сценой слышен голос Ростроповича: „Об Шостаковича!“

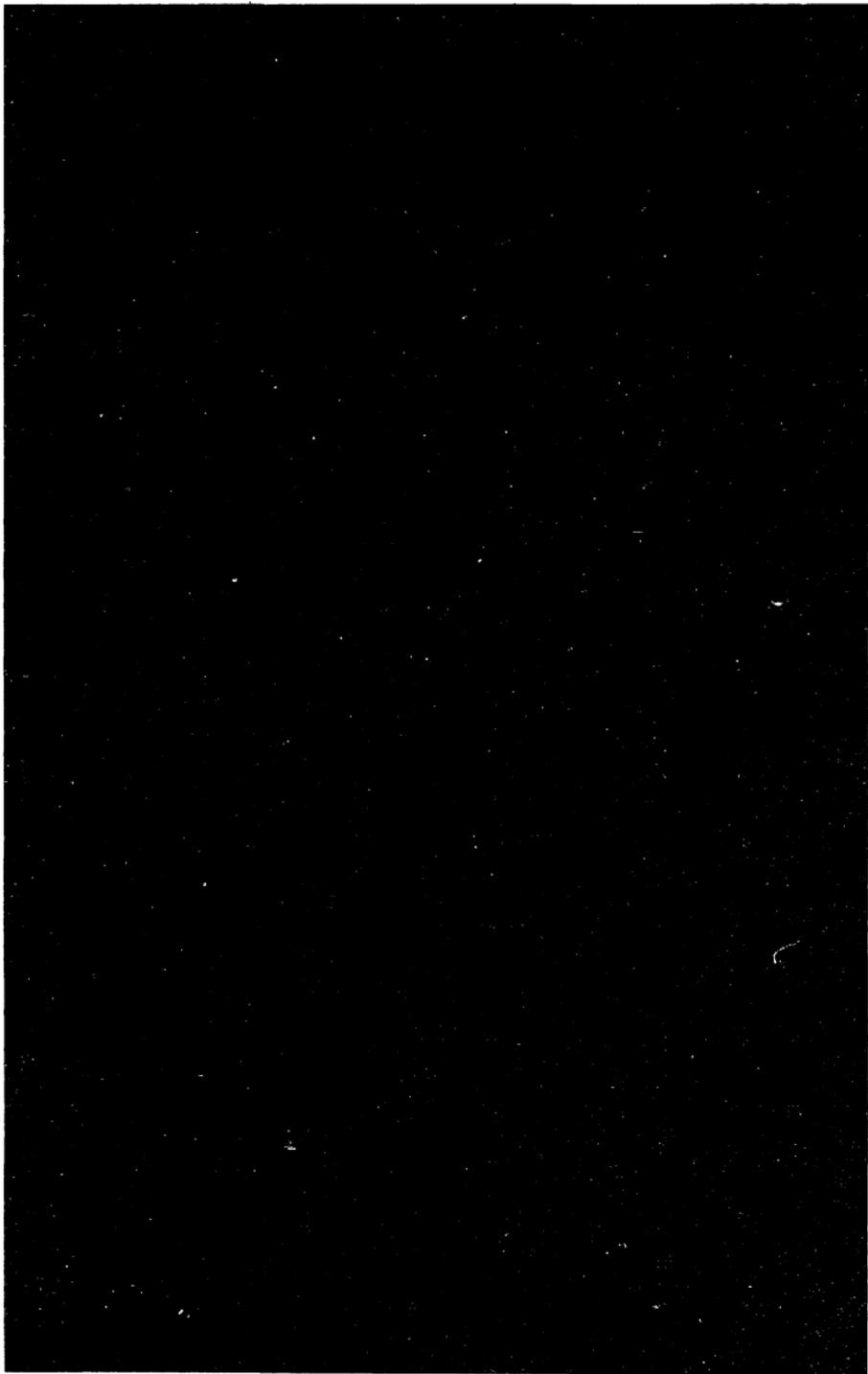
ЗАНАВЕС

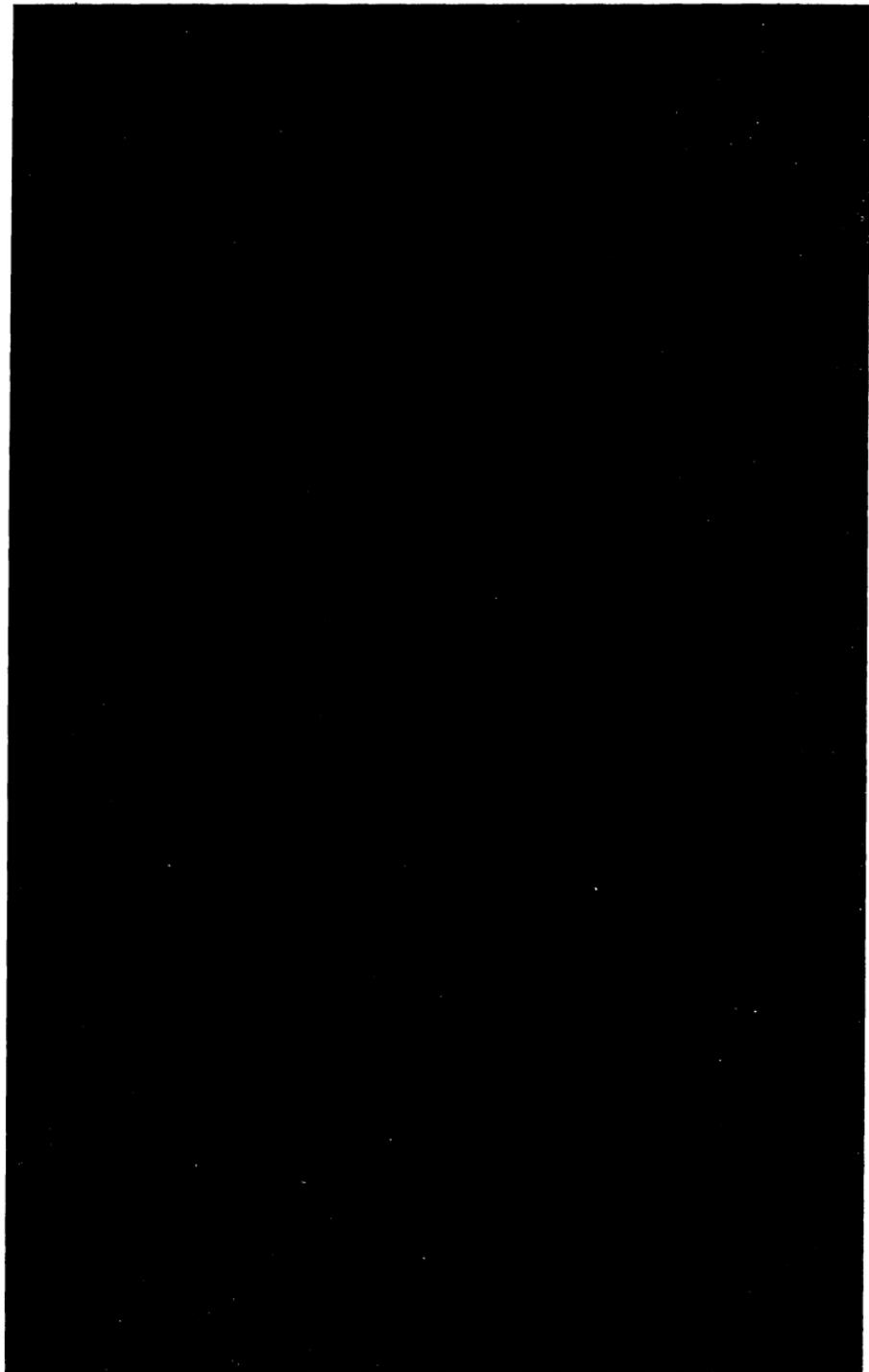
ВАГРИЧ БАХЧАНЯН

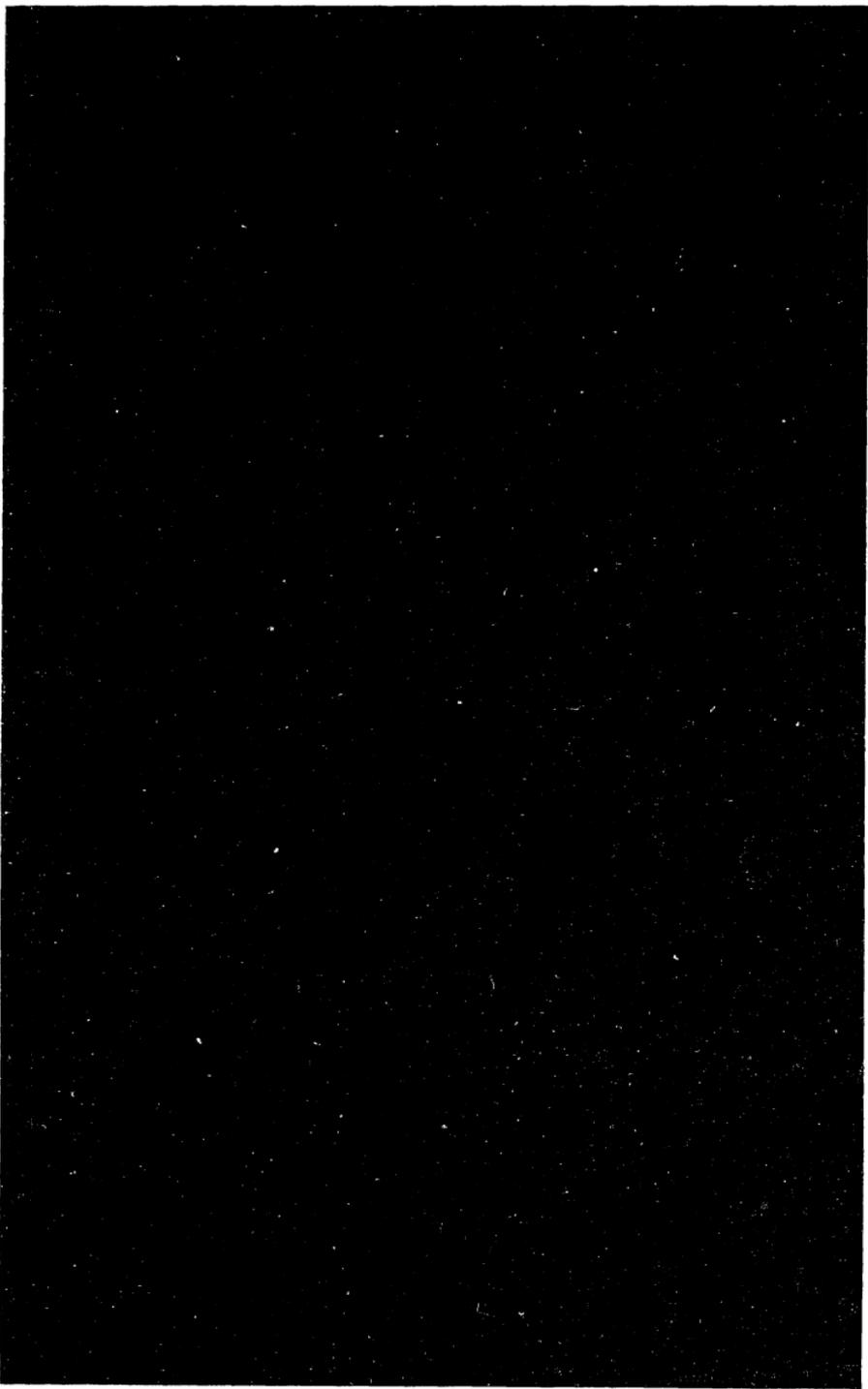
ЧУЖАЯ ДУША
(черновик)

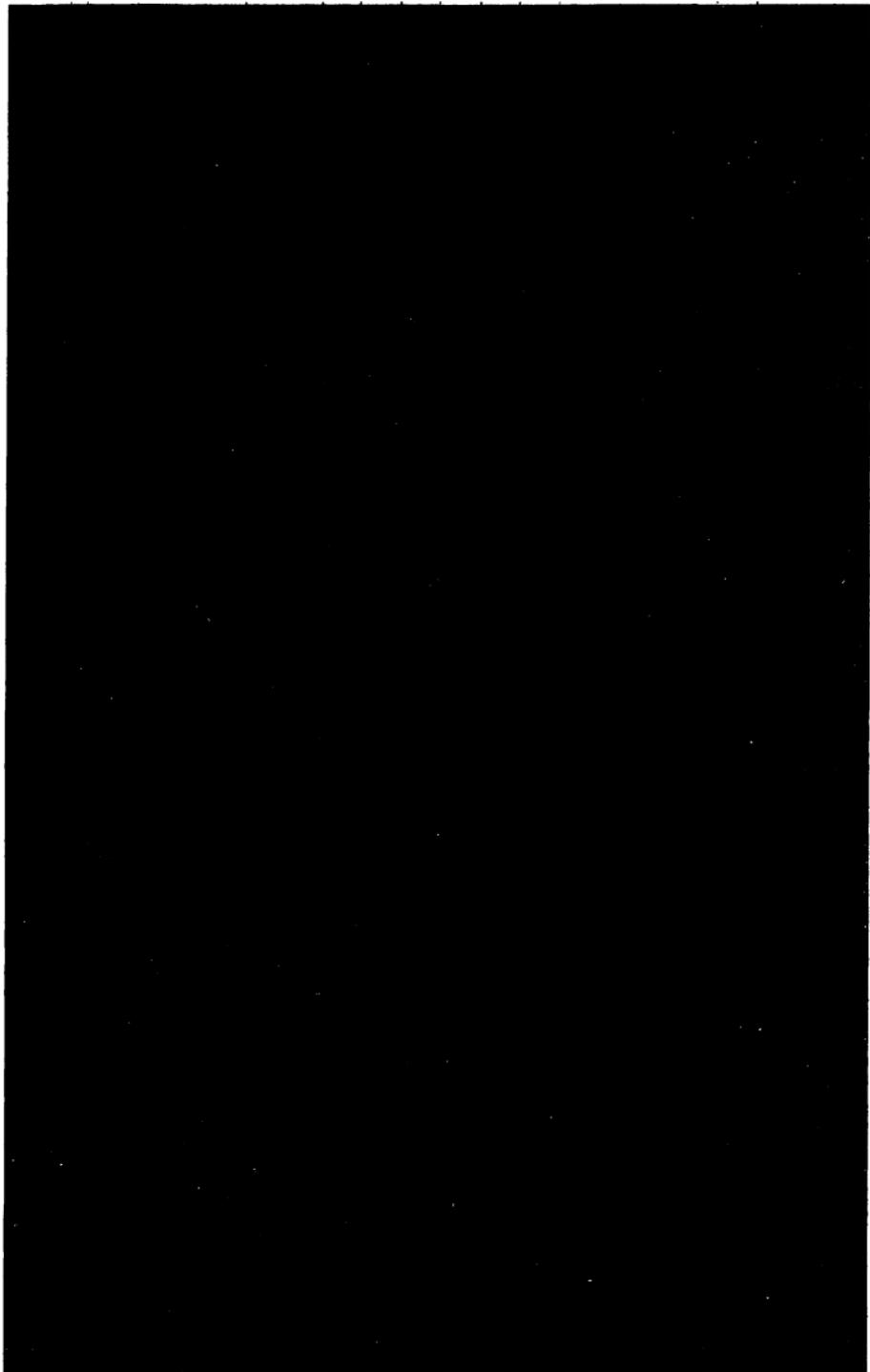
Издательство „ГАРЛЕМ“

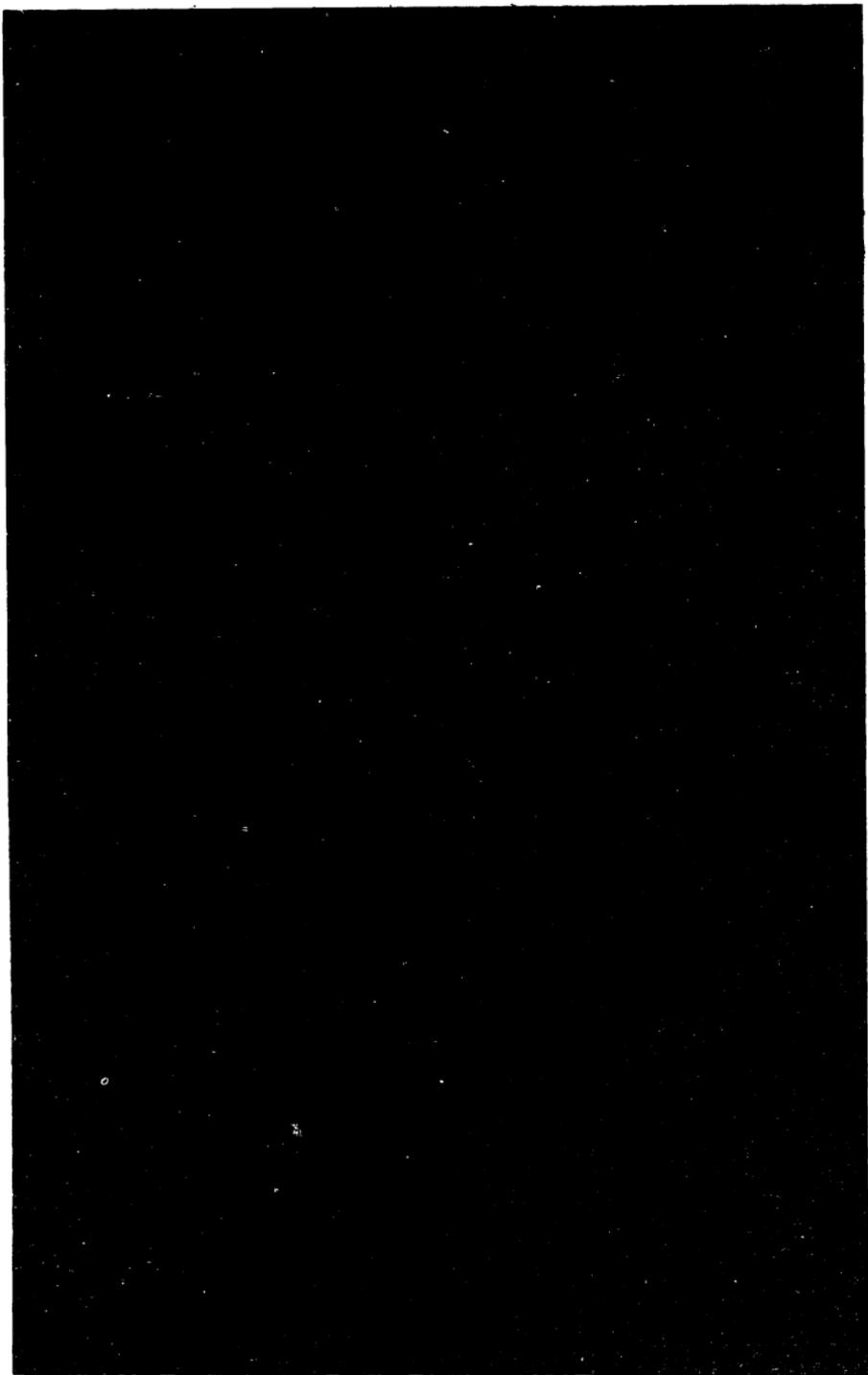
*Посвящается Саше Черному
и Коле Чернышевскому*

Цена на черном рынке – 100 р. (черная сотня)

Фото
см. стр 113

Я родился в Харькове через 21 год после свершения Великой Октябрьской социалистической революции. Пошел в школу в год капитуляции фашистской Германии. Поступил на работу вскоре после смерти Сталина. Был призван в ряды советской армии через 20 лет после 1937 года. Демобилизовался после 90-летия В. И. Ленина. Переехал в Москву за шесть лет до кончины маршала Советского Союза Семена Михайловича Буденного. В определяющем году девятой пятилетки покинул СССР.

Вагрич Бахчанян

В юности у меня был коммунальный сосед, полковник Тихомиров. Наслушавшись от меня дерзостей, полковник восклицал:

— Писатель! Смотрите-ка, да это же писатель! Писатель от слова „худо“!..

Знал бы я тогда, что эта идиотская, грамматически несообразная формулировка крети-на полковника ознаменует всю мою дальнейшую судьбу. Писатель от слова „худо“!..

Но если задуматься, то как же иначе? От хорошей жизни писателями не становятся. Даже читателями и то становятся не от хорошей жизни. От хорошей жизни появляются только чековые книжки.

Сергей Довлатов

О себе лучше говорить, недоговаривая. Мне все кажется, что я еще молод, но... Был певцом, учился на дирижера, а стал инженером, потому что... В писатели не взяли тоже, сказали — знаете ли... Ну и ладно. Инженер тоже человек, хотя... Надоело жить, оглядываясь. Взял и уехал в надежде на... Опять работаю инженером. Пишу стихи. Все хорошо, но иногда...

Так и вся наша жизнь — три точки между двумя датами.

Наум Сагаловский

